

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

НИЗАМОВА ДИНАРА ФАВАРИСОВНА

**ПРОФИБРОТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И РЕМОДЕЛИРОВАНИЕ
МИОКАРДА ПРИ ХРОНИЧЕСКОЙ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ
ИШЕМИЧЕСКОГО ГЕНЕЗА**

3.1.20. Кардиология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата медицинских наук

Научный руководитель:

доктор медицинских наук, профессор

Закирова Нэлли Эриковна

Уфа – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1 ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	12
1.1 Патогенетические механизмы формирования и течения ХСН.....	12
1.2 Диагностическая и прогностическая значимость натрийуретических пептидов при ХСН.....	17
1.3 Участие ИФР-1 в развитии сердечно-сосудистых заболеваний.....	19
1.4 Участие ТФР- β 1 в развитии сердечно-сосудистых заболеваний.....	23
1.5 Участие альдостерона в развитии сердечно-сосудистых заболеваний.....	26
ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	30
2.1 Объект и дизайн исследования, клиническая характеристика исследуемых.....	30
2.2 Методы исследования.....	34
2.2.1 Функциональные методы исследования.....	35
2.2.2 Иммунологические методы	35
2.2.3 Статистические методы.....	36
ГЛАВА 3 СОСТОЯНИЕ ВНУТРИСЕРДЕЧНОЙ ГЕМОДИНАМИКИ И ТИПЫ РЕМОДЕЛИРОВАНИЯ ЛЖ У ПАЦИЕНТОВ ХСН ИШЕМИЧЕСКОГО ГЕНЕЗА.....	37
3.1 Гемодинамические параметры у группы контроля и у пациентов ХСН.....	37
3.2 Типы геометрии ЛЖ в группе контроля и у пациентов ХСН II ФК.....	40
3.3 Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН III и IV ФК.....	41
ГЛАВА 4 ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФИБРОТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И НАТРИЙУРЕТИЧЕСКИХ ПЕПТИДОВ У ПАЦИЕНТОВ ХСН II,III,IV ФК И	

КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГЕМОДИНАМИЧЕСКИМИ ПАРАМЕТРАМИ И УРОВНЕМ НАТРИЙУРЕТИЧЕСКИХ ПЕПТИДОВ У ПАЦИЕНТОВ ХСН III-IV ФК.....	45
4.1 Изменение уровня натрийуретических пептидов у пациентов ХСН II- IV ФК и его взаимосвязи с гемодинамическими параметрами при ХСН III-IV ФК.....	45
4.2 Динамика уровня ИФР-1 у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные взаимосвязи уровня ИФР-1 с гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК.....	46
4.3 Изменение уровня ТФР- β 1 у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные взаимосвязи уровня ТФР- β 1 с гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК.....	48
4.4 Динамика уровня альдостерона у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные зависимости уровня альдостерона со структурно-гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК.....	50
4.5 Корреляционные взаимосвязи уровней профиброгенных факторов роста ИФР-1 и ТФР- β 1 с концентрацией натрийуретических пептидов у пациентов ХСН III-IV ФК.....	52
ГЛАВА 5 ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА ИФР-1 И ГИПЕРЭКСПРЕССИИ ПРОФИБРОГЕННЫХ ФАКТОРОВ РОСТА ТФР- β 1, АЛЬДОСТЕРОНА НА РЕМОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЖ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЮ ТЕЧЕНИЯ ХСН.....	53
5.1. Влияние дефицита ИФР-1 на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК.....	53
5.2. Влияние гиперэкспрессии ТФР- β 1 на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК.....	54
5.3. Влияние гиперэкспрессии альдостерона на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК.....	55

ГЛАВА 6 ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ.....	58
ВЫВОДЫ.....	70
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	72
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ.....	73
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Хроническая сердечная недостаточность (далее ХСН) является одной из главных причин осложнений различных сердечно-сосудистых заболеваний и сердечно-сосудистой смертности [Терещенко С.Н., 2020; Mc. Donadgh T.A., 2021].

Большое значение в дестабилизации течения ХСН имеют процессы изменения геометрии миокарда левого желудочка (ЛЖ) [Мареев В.Ю., 2017]. В последние годы значительно расширились классические представления о ремоделировании миокарда ЛЖ [Балицкая А.С., 2020; Букатов В.В., 2021]. Под действием нейрогуморальных и профибротических факторов, гемодинамической нагрузки происходит изменение геометрии сердца [Ding Y., 2020; Bhandari B., 2022]. В эксперименте и отдельных клинических исследованиях установлено, что в процессе ремоделирования миокарда развивается фиброз, который ассоциируется с накоплением коллагена I и III типа в интерстиции и периваскулярном пространстве сердца и с увеличением числа фибробластов [Bing R., 2019; Печерина Т.Б., 2020]. В развитии процессов ремоделирования миокарда выделяют три основных этапа: гипертрофия кардиомиоцитов (КМЦ), фиброз и апоптоз [Mouton A.J., 2018]. Активация ангиотензина II (АТ II), эндотелина-1 и альдостерона играет ключевую роль в развитии фиброза миокарда ЛЖ [Bing R., 2019].

Гиперпродукция АТ II может способствовать увеличению коллагенообразования в интерстициальном пространстве и инициировать вовлечение в процесс инсулиноподобного фактора роста-1 (ИФР-1) и трансформирующего фактора роста - $\beta 1$ (ТФР- $\beta 1$) [Chi H., 2019]. ИФР-1 регулирует функцию и морфологию миокарда и сосудов [Barnard S.A., 2018], положительно влияя на рост и метаболизм тканей, дифференцировку и функции КМЦ [Marra A.M., 2018; Sanchez-Aguilera P., 2023].

Эффект АТ II реализуется как непосредственно через его специфические

рецепторы, так и опосредованно через гиперэкспрессию ТФР- β 1. ТФР- β 1 оказывает профибротическое и противовоспалительное действие. ТФР- β 1 инициирует миграцию фибробластов, макрофагов и нейтрофилов в зону повреждения, стимулирует синтез коллагена и фибронектина [Lu M., 2019]. Повышенная секреция ТФР- β 1 сопряжена с заболеваниями, связанными с фиброзом и рубцеванием [Jin L., 2018].

Альдостерон стимулирует коллагенообразование фибробластами и некроз клеток миокарда, отрицательно влияя на баланс электролитов [Кукес В.Г., 2016; Al Qudah M., 2020]. В процессе постинфарктного ремоделирования альдостерон может оказывать отрицательное действие за счет активации атерогенеза, приводя к дисфункции эндотелия и системному воспалению, что способствует нарушению кровоснабжения и развитию фиброза миокарда, потенцируя дальнейшее прогрессирование ХСН [Parksook W.W., 2023].

В литературе последних лет работы, изучающие роль профиброгенных ростовых факторов в структурно-функциональной перестройке ЛЖ выполнены в основном в эксперименте [Xin H., 2018; Zhan Q., 2022]. Клинические исследования, изучающие роль профибротических факторов в развитии ХСН, немногочисленны и противоречивы [Lee C.T., 2017; Piccioli L., 2018], что аргументирует необходимость проведения углубленных исследований у больных с прогрессирующим течением ХСН.

В научной литературе обсуждается взаимосвязь ИФР-1 с сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ) в качестве независимого фактора риска: ССЗ развиваются как при гиперэкспрессии, так и при дефиците уровня ИФР-1 [Brugts M.P., 2008; Harada K., 2020]. Единичные исследования последних лет доказывают роль ИФР-1 как маркера прогноза развития ХСН [Дронова А.В., 2010; Cittadini A., 2018]. Результаты немногочисленных исследований роли ТФР- β 1 при ХСН также неоднозначны. Содержание ТФР- β 1 у экспериментальных мышей с ГЛЖ увеличивалось при развитии у них ХСН [Li Y., 2020]. В другом клиническом исследовании с участием больных ХСН показано снижение уровня ТФР- β 1 в динамике постинфарктного ремоделирования миокарда [Садовой В.И., 2014]. В

последние годы большинство представленных исследований демонстрируют, что основные отрицательные эффекты ренин-ангиотензин-альдостероновой системы (РААС) на течение различных ССЗ обусловлены не только действием АТ II, но и активацией альдостерона [Bollag W.B., 2014; Ватутин Н.Т., 2019]. В некоторых исследованиях продемонстрирована взаимосвязь между уровнем циркулирующего альдостерона и риском развития ХСН и риском внезапной смерти [Кукес В.Г., 2016; Young M. J., 2019], однако данные исследования немногочисленны.

Изучение взаимозависимости и взаимосвязи профиброгенных ростовых факторов ИФР-1 и ТФР- β 1, альдостерона у пациентов с ХСН ишемического генеза с параметрами ремоделирования миокарда ЛЖ в настоящее время актуально и важно для определения роли профиброгенных факторов роста в ремоделировании миокарда ЛЖ и в развитии фиброза.

Цель исследования

Установить влияние профибротических факторов роста (ИФР-1, ТФР- β 1, альдостерона) на ремоделирование миокарда ЛЖ у пациентов ХСН ишемического генеза на основе оценки их взаимоотношений с гемодинамическими параметрами и уровнем NT-proBNP, являющимся информативным биомаркером для оценки миокардиальной дисфункции.

Задачи исследования

1. Изучить особенности и типы ремоделирования ЛЖ у пациентов ХСН различных ФК в зависимости от исходного уровня профиброгенных факторов роста.
2. Определить изменения уровня ИФР-1 у пациентов ХСН разных ФК в зависимости от тяжести течения и типа ремоделирования ЛЖ.
3. Анализировать выраженность экспрессии ТФР- β 1 у пациентов ХСН разных ФК в зависимости от тяжести течения и типа ремоделирования ЛЖ.
4. Установить изменения уровня альдостерона у пациентов ХСН

различных ФК в зависимости от тяжести течения и типа ремоделирования ЛЖ.

6 Изучить корреляционные взаимоотношения между уровнем ИФР-1, ТФР- β 1, альдостерона и параметрами ремоделирования ЛЖ у пациентов ХСН III-IV ФК, определить их взаимоотношения с уровнем NT-proBNP.

7 Оценить влияние профиброгенных факторов роста на формирование различных типов ремоделирования.

Научная новизна

На основе комплексного исследования показателей профибротических факторов роста и параметров гемодинамики, определения их взаимоотношений у пациентов тяжелой ХСН III-IV ФК с эксцентрической ГЛЖ, впервые получены новые данные, указывающие на существенное влияние профибротических факторов на развитие процессов ремоделирования и фиброзирования миокарда у пациентов с терминальной ХСН.

Установлено, что дефицит уровня ИФР-1, сопряженный с гиперэкспрессией NT-proBNP и гемодинамическими нарушениями, зарегистрирован у больных ХСН IV ФК с эксцентрической ГЛЖ. Выявлено, что у пациентов с тяжелой ХСН IV ФК с дезадаптивным типом ремоделирования гиперэкспрессия ТФР- β 1 и альдостерона отражает выраженность процессов ремоделирования и фиброзирования миокарда. Определены взаимосвязи между уровнями ИФР-1 и NT-proBNP, ТФР- β 1 и NT-proBNP, которые были ассоциированы с тяжестью течения заболевания и со степенью структурно-функциональных изменений при дестабилизации течения ХСН. По мере прогрессирования ХСН снижается уровень ИФР-1, повышаются уровни ТФР- β 1 и альдостерона, на этом фоне происходят изменения и перестройка структурно-геометрической модели миокарда: при тяжелой ХСН IV ФК формируется эксцентрическая ГЛЖ и дилатация ЛЖ с дезадаптивным типом ремоделирования.

Теоретическая и практическая значимость работы

Установлена целесообразность определения содержания профиброгенных ростовых факторов, таких как ИФР-1, ТФР- β 1, альдостерон, для оценки тяжести течения ХСН. Исследование концентрации профиброгенных ростовых факторов, влияющих на развитие интерстициального фиброза, может быть использовано в качестве биомаркеров избыточного коллагенообразования.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Выраженность процессов ремоделирования миокарда ассоциируется с тяжестью течения и ФК ХСН, коррелирует с гемодинамическими параметрами и выраженностью экспрессии натрийуретических пептидов у пациентов с ХСН ишемического генеза. Наиболее неблагоприятный тип ремоделирования миокарда ЛЖ: эксцентрическая ГЛЖ определена при высоком ФК и дестабилизации течения ХСН.
2. Изменения концентрации ИФР-1, ТФР- β 1, альдостерона при прогрессирующем течении ХСН сопряжены с тяжестью течения и типом ремоделирования миокарда. Наиболее выраженные изменения структурно-функциональных свойств ЛЖ, дефицит ИФР-1, гиперэкспрессия ТФР- β 1, ассоциированные с уровнем NT-proBNP, и гиперэкспрессия альдостерона установлены при ХСН IV ФК.
3. Определены тесные корреляции между уровнем ИФР-1, ТФР- β 1, альдостерона и гемодинамическими параметрами, концентрацией натрийуретических пептидов у пациентов с ХСН III-IV ФК.
4. Изменения концентрации профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) взаимосвязаны с типом геометрии ЛЖ, что свидетельствует о значимой роли активации профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) в развитии патологических типов ремоделирования у пациентов ХСН ишемического генеза.

Степень достоверности

Достоверность данных проведенного исследования заключается в наличии достаточного клинического материала; в применении современных методов лабораторной и инструментальной диагностики ХСН. В ходе проведения статистической обработки данных использованы достоверные критерии и методы.

Апробация результатов

Результаты диссертационного исследования представлены на отечественных конференциях, доложены и обсуждены на заседании проблемной комиссии по кардиологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (заседание № 1 от 01.06.2023 г).

Внедрение результатов исследований

Основные результаты диссертационного исследования используются в клинической деятельности отделений государственного бюджетного учреждения здравоохранения Клиническая Больница скорой медицинской помощи г. Уфа.

Результаты проведенного исследования были включены в учебный процесс на кафедре кардиологии и функциональной диагностики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Личный вклад автора

Автором самостоятельно была изучена литература по теме диссертации, определены идея, цель и задачи исследования, проведен отбор пациентов ХСН в исследование, их обследование, статистическая обработка результатов исследования, подготовка статей, написание диссертационной

работы.

Публикации

По основным результатам диссертационного исследования опубликовано 26 печатных работ, в том числе: 5 статей из перечня Высшей Аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ, 2 статьи из издания, входящего в индексируемые базы Scopus, Web of Science, Embase.

Объем и структура диссертации

Диссертационная работа изложена на 100 страницах, содержит 6 рисунков, 9 таблиц. Диссертация построена из следующих разделов: введение, обзор литературы, материалы и методы исследования, результаты и их обсуждение, выводы, практические рекомендации, список сокращений и список литературы.

Библиографический список представлен 81 отечественными и 160 зарубежными литературными источниками.

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Башкирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ректор – профессор Павлов В.В.) на кафедре кардиологии и функциональной диагностики.

ГЛАВА 1 ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Патогенетические механизмы формирования и течения ХСН

Термин «ремоделирование» впервые введен в конце 70-х гг. XX века [41]. После перенесенного инфаркта миокарда (ИМ) наблюдаются изменения геометрии и структуры сердца, затрагивающие одновременно ишемическую зону и интактные участки миокарда [33, 38]. В настоящее время ремоделирование рассматривается как процессы, приводящие к дилатации полостей сердца, ГЛЖ, систолической и диастолической дисфункции [93, 159]. Под влиянием нейрогуморальных и профибротических факторов роста, гемодинамической перегрузки происходят изменения структурно-функциональных свойств ЛЖ [1, 8, 46]. Постинфарктное ремоделирование приводит к гемодинамическим и структурно-функциональным изменениям в сердце еще до развития клинической картины ХСН [72, 193]. Процесс постинфарктного ремоделирования начинается с компенсаторной реакции, направленной на поддержание нормальной фракции выброса (ФВ) и адекватного миокардиального стресса (МС) [51, 74]. В дальнейшем происходит декомпенсация процессов постинфарктного ремоделирования [108, 156]. Ремоделирование ЛЖ при ХСН происходит на всех структурных уровнях строения сердца: в КМЦ и внеклеточном матриксе сердца [191]. Во время ишемического ремоделирования миокарда происходят три основных процесса: фиброз, гипертрофия и гибель КМЦ [62, 197].

В развитии ишемического ремоделирования важная роль принадлежит коронарной недостаточности. При недостаточном поступлении кислорода в миокард возникает нарушение равновесия между поступлением кислорода и потребностью в нем сердца, что приводит к гибели трети КМЦ [7]. Ремоделирование ЛЖ после перенесенного ИМ развивается вследствие некроза КМЦ, развития «оглушенного» миокарда или гибернации [177]. Во время постинфарктного ремоделирования происходит смена компенсаторных и дезадаптивных процессов [224]. После перенесенного ИМ до 50% КМЦ

сохраняют свою функцию, но происходит их гипертрофия. Развивается «оглушенный» миокард со снижением содержания аденозинтрифосфата (АТФ) и замедлением метаболизма, что еще более усугубляет систолическую дисфункцию ЛЖ [76,182]. «Оглушенные» КМЦ в зоне ишемии погибают вследствие апоптоза, то есть «запрограммированной гибели», в результате происходит дальнейшее снижение сократительной функции [24,57]. Во время ИМ ведущим механизмом потери клеток миокарда является некроз, приводящий к развитию процессов воспаления, макрофагальной инфильтрации, активации фибробластов, развитию фиброза и пролиферации сосудистых клеток. В условиях хронической ишемии или гибернации апоптоз является важной формой гибели КМЦ [160, 218]. В ряде работ показана активация апоптоза при острой ишемии [209]. Для поддержания ударного объема при низкой ФВ увеличивается конечно-диастолический объем ЛЖ (КДО ЛЖ), происходит дилатация полости ЛЖ, что согласно механизма Франка-Старлинга приводит к увеличению сердечного выброса. Следствием объемной перегрузки, согласно закона Лапласа, является повышенное давление на неповрежденные участки миокарда, увеличение диастолического и систолического напряжения стенок, МС. Возросшая гемодинамическая нагрузка приводит к ГЛЖ под влиянием АТ II, который инициирует повышенный синтез сократительных белков [56, 111]. Иницирующими стимулами ГЛЖ являются норадреналин, АТ II, эндотелин-1 (ЭТ-1), профиброгенные ростовые факторы. ГЛЖ направлена на поддержание ударного объема через вовлечение интактного миокарда и снижение МС. Увеличенный объем ЛЖ с недостаточной адаптивной гипертрофией способствует возрастанию напряжения стенки ЛЖ, что приводит к дальнейшей дилатации полости ЛЖ.

Фиброз миокарда является заключительным этапом ремоделирования миокарда [86, 123]. Под фиброзом понимают патологический процесс, при котором продукция коллагена в 2-3 раза преобладает над его распадом [29, 183]. Кардиальные фибробласты играют важную роль в процессах восстановления миокарда после перенесенного ИМ [139]. В патогенезе развития

миокардиального фиброза выявлено, что фиброзу более подвержены эндокардиальные слои, чем эпикардиальные, что коррелирует с распределением напряжения в стенке миокарда [43, 140]. В многочисленных исследованиях показана роль нейрогуморальных механизмов в патогенезе развития ХСН, однако процесс миокардиального фиброза, являющийся одним из основных механизмов патологического ремоделирования сердца при ХСН и возникновения неблагоприятных осложнений (случаи смерти и госпитализации), остается недостаточно изученным. При развитии структурно- функциональной перестройки миокарда после ИМ в экстрацеллюлярном матриксе происходят разнонаправленные процессы: в остром периоде преобладает разрушение компонентов внеклеточного матрикса протеолитическими ферментами, а в отдаленные сроки происходят продукция и накопление фибриллярных и нефибриллярных протеинов [199, 239]. При ишемическом ремоделировании происходят активация процессов фиброза миокарда и его подавление, которые могут идти последовательно или одновременно. Главная роль в фиброзной перестройке миокарда принадлежит фибробластам, функция которых характеризуется аномальным ростом их количества и гиперактивацией, что инициирует образование фиброза внеклеточного матрикса [5,22]. Основой формирования миокардиального фиброза является смещение нормального равновесия между индуцирующими (катехоламины, АТ II, ЭТ-1, альдостерон, ТФР- β 1 и ИФР-1) и подавляющими фиброз (оксид азота, натрийуретические пептиды (НУП), брадикинины, простагландины) факторами, регулирующими процесс коллагенообразования [19, 44]. Выраженность фиброза соответствует степени тяжести ХСН [167, 220].

Большинство ученых отмечают, что основную роль в развитии миокардиального фиброза играет РААС [86]. В экспериментальных исследованиях на крысах выявлено, что АТ II активизирует продукцию коллагена фибробластами с помощью рецепторов к АТ II в КМЦ [129, 167]. В исследованиях с мышами с АГ доказано влияние ЭТ-1 и РААС на фиброзирование миокарда [73, 210].

В патогенезе развития фиброза происходит разрушение нормальной структуры КМЦ и накапливаются белки внеклеточного матрикса (коллагены, фибронектины). Эластичность миокарда уменьшается вследствие накопления коллагена I типа и изменения его особенностей, продольная ориентация волокон сменяется на поперечную, приводя к возрастанию ригидности миокарда [47]. Разрушение структуры внеклеточного матрикса разрывает связи между КМЦ и коронарными сосудами, нарушая целостность строения миокарда и функцию сердца. Снижение податливости миокарда приводит к дальнейшей систолической и диастолической дисфункции [204]. Двукратное повышение содержания коллагена приводит к нарушению эластичности, а четырехкратное - к снижению ФВ [47]. Миокард становится неспособным нормально сокращаться, так как происходит уменьшение количества клеток миокарда вследствие их замещения соединительной тканью [142]. Фиброз миокарда может вызывать периваскулярную компрессию, снижающую коронарный кровоток и ведущую к гипоксии миокарда [19]. Фиброз нарушает электрические взаимоотношения КМЦ, разделяя их белками внеклеточного матрикса, приводя к ишемии вследствие снижения концентрации капилляров и увеличения расстояния для поступления кислорода [42, 98]. Нарушается метаболизм и функция желудочков [19], развивается левожелудочковая дисфункция, что приводит к прогрессированию ХСН [75]. Последствиями фиброза миокарда являются СН, тяжелые аритмии и внезапная сердечная смерть. АТ II в наибольшей степени влияет на изменения фибробластов с помощью ТФР- β 1 и остеопонтинина [110, 132].

Преобладание стимулирующих факторов (из-за повышенного их синтеза или недостатка ингибиторов фиброза) способствует развитию фиброза [107]. Под влиянием стимулирующих факторов фибробласты начинают активно делиться и синтезировать предшественники коллагена I, III типов и ферменты, участвующие в синтезе коллагена и отвечающие за его распад (металлопротеиназы) [178]. После перенесенного ИМ фиброз развивается как в зоне ИМ, так и в неинфарцированных участках миокарда [184]. В острую фазу

ИМ погибают КМЦ и компоненты внеклеточного матрикса. Некроз клеток в результате ИМ вызывает воспалительную реакцию, которая сопровождается лейкоцитарной инфильтрацией, в зону повреждения проникают нейтрофилы, активирующие матриксные металлопротеиназы [14, 56]. Под влиянием матриксных металлопротеиназ происходит распад погибших структур интерстициального пространства [116]. В зоне ИМ макрофаги начинают продуцировать ангиотензиноген и АПФ. Образовавшийся АТ II стимулирует синтез ТФР- β 1, инициирует фибробласты и ингибирует активность нейтрофилов [25, 125]. Под действием ТФР- β 1 фибробласты переходят в миофибробласты, которые обладают гораздо большей способностью вырабатывать коллаген и большей чувствительностью к влиянию провоспалительных и профибротических факторов [49]. В зоне ИМ продукция коллагена является необходимым фактором для формирования прочного рубца. Постепенно ингибируется активность металлопротеиназ, которые вновь начинают реализовывать свою активность к концу 7 суток, контролируя содержание синтезируемого коллагена для снижения избыточного коллагенообразования. Рубец после ИМ поддерживает мышечные волокна неповрежденного миокарда, в результате ослабевает нагрузка объемом [47]. При недостаточной поддержке рубца увеличивается вероятность разрыва сердца, мышечные пучки начинают перемещаться относительно друг друга, происходит увеличение зоны ИМ [99, 118]. Одним из факторов снижения ФВ ЛЖ в постинфарктном периоде является отложение коллагена в интерстициальном пространстве интактного миокарда [47, 153].

В последние десятилетия значительно расширились стандартные представления об ишемическом ремоделировании миокарда. В то же время работы по оценке вклада профиброгенных факторов роста в развитие процессов ремоделирования миокарда, в основном, выполнены в эксперименте, а результаты клинических исследований, полученных при наблюдении больных с артериальной гипертонией (АГ) и ишемической болезнью сердца (ИБС), достаточно противоречивы и неоднозначны, что обосновывает важность и

необходимость проведения дальнейших исследований.

1.2 Диагностическая и прогностическая значимость натрийуретических пептидов при ХСН

НУП - белковые гормоны, сходные по строению и участвующие в регуляции объема циркулирующей крови, водно-солевого баланса организма и АД, обладающие аутокринными и паракринными свойствами [121]. В 1981 г. был выявлен предсердный НУП (ANP) в миокарде предсердий [11]. Выделяют НУП А-типа (А-NP) и НУП В- типа (В-NP), секретируемые КМЦ; НУП С-типа (С-NP), который выделяется в эндотелии сосудов и центральной нервной системе [77, 207]. Пусковым фактором секреции НУП является повышение напряжения стенки миокарда при увеличении конечно-диастолического давления в ЛЖ. НУП уменьшает активацию симпатической нервной системы, снижает синтез ренина, ЭТ-1, альдостерона и АТ II [64, 195]. НУП ингибирует рост кардиальных фибробластов, гладкомышечных и эндотелиальных клеток [158]. НУП уменьшает активность барорецепторов и выброс катехоламинов, увеличивает синтез оксида азота, способствуя вазодилатации. В экспериментальных исследованиях с трансгенными животными выявлено, что при избытке НУП значительно снижены АД и периферический сосудистый тонус. НУП снижает сосудистое сопротивление, ингибируя активность РААС [20]. В эксперименте было установлено, что при отсутствии в организме НУП-рецепторов развивается выраженная ГЛЖ [185, 206]. В других исследованиях доказано развитие мультифокального фиброза миокарда у мышей со сниженным содержанием НУП без наличия АГ или гипертрофии ЛЖ. Полученные данные доказывают роль НУП в качестве местного антифибротического фактора, контролирующего процессы ремоделирования ЛЖ [101, 109]. Доказано, что НУП является антагонистом профиброгенного ростового фактора ТФР-β1 [82, 231]. Антагонизм действия BNP и ТФР-β1 на миокардиальные миофибробласты реализуется влиянием на

процессы клеточного роста, синтеза коллагена и фибронектина [65, 75]. В эксперименте установлено, что НУП ингибирует синтез генов, отвечающих за профибротические и провоспалительные эффекты [145].

В настоящее время существует большое количество работ, в которых показана роль НУП в развитии ССЗ. Существует обратная зависимость между уровнем NT-proBNP и индексом массы тела [18]. На сегодняшний день определение содержания НУП и NT-proBNP применяется в диагностике и оценке прогноза у пациентов с гипертрофической кардиомиопатией [202], гипертонической болезнью [180], стенозом устья аорты [203] и др. Установлено влияние НУП на суточный ритм артериального давления (АД): содержание НУП зависит от нагрузки давлением [240]. Гиперэкспрессия НУП свидетельствует о неблагоприятном течении инфекционного эндокардита [124]. Повышение содержания НУП в первые несколько суток от начала ИМ взаимосвязано с выраженностью дисфункции ЛЖ и тяжестью СН. Определение уровня НУП и/или NT-proBNP является важным прогностическим и диагностическим маркером развития осложнений ИМ, ИБС, нестабильной стенокардии [157]. НУП и NT-proBNP являются наиболее значимыми и достоверными биомаркерами дисфункции миокарда при СН [18]. Определение уровня НУП необходимо проводить пациентам при подозрении на острую СН [133]. В некоторых исследованиях выявлена роль NT-proBNP как значимого предиктора внезапной сердечной смерти и показателя ремоделирования миокарда [126]. В проведенных исследованиях была показана корреляция концентрации NT-proBNP с показателями КДО и ФВ у пациентов с ГЛЖ на фоне АГ [211, 229]. В настоящее время определение уровня NT-proBNP может использоваться как критерий эффективности проводимой терапии у пациентов с ХСН [121]. В современной литературе данные о взаимодействии и корреляции НУП с концентрацией профиброгенных факторов роста, показателями ремоделирования миокарда достаточно противоречивы, что диктует необходимость дальнейшего изучения.

1.3 Участие ИФР-1 в развитии сердечно-сосудистых заболеваний

На сегодняшний день выделяют два типа ИФР: ИФР-1 и ИФР-2 [12]. ИФР– белковые гормоны, сходные по функции и строению с инсулином. Доказано, что ИФР-2 является митогеном в костных клетках. ИФР-1 участвует в синтетических процессах в мышцах, в миокарде и соединительной ткани [27]. ИФР-1 является гормоном-посредником, основная функция которого заключается в передаче стимулирующего воздействия гормона роста (ГР) на различные ткани. ИФР-1 секретируется в клетках печени под влиянием ГР, но может также местно синтезироваться в КМЦ, гладкомышечных клетках и эндотелиоцитах. ИФР-1 увеличивает массу миокарда, толщину стенок, сократимость миокарда, ускоряет синтез белков, вызывает фиброз миокарда, снижает периферическое сосудистое сопротивление [162, 230]. В миокарде выявлены рецепторы ИФР-1 и ГР, что подтверждает прямое и опосредованное влияние ГР на миокард. Данный ростовой фактор, как и ГР, увеличивает рост КМЦ и синтез протеинов в сердце [198]. При анализе летальности пациентов с заболеваниями гипофиза впервые было выявлено влияние ИФР-1 на развитие ССЗ [31, 42]. У больных с соматотропной недостаточностью при сниженном содержании ИФР-1 отмечается рост ССЗ и осложнений, в том числе рост кардиоваскулярной смертности, в сравнении с общей популяцией [13]. ИФР-1 является важным регулятором гипертрофии сердечной мышцы. У больных с акромегалией гиперэкспрессия ИФР-1 приводит к развитию концентрической ГЛЖ и увеличению массы миокарда ЛЖ (ММЛЖ) [179]. В клиническом исследовании с участием 218 пациентов, перенесших ИМ, выявлен значимый дефицит ИФР-1 [163]. По результатам других клинических исследований установлены взаимосвязи ИФР-1 с риском развития ИБС и смертностью от кардиальных причин: у пациентов с гиперэкспрессией ИФР-1 чаще развивалась ИБС [13]. В генетическом исследовании японских ученых, с участием групп контроля и больных, перенесших ИМ, выявлены специфические участки генов ИФР-1, которые могут использоваться как прогностические маркеры вероятности

развития ИМ [95, 169]. С возрастом уровень ГР и ИФР-1 снижается, приводя к прогрессированию атеросклероза и дисгормональным нарушениям [97]. В клинических исследованиях было показано, что у пациентов со сниженным содержанием ГР достоверно более часто развиваются ССЗ и их осложнения [150]. Показано, что лечение соматотропным гормоном тяжелой ХСН повышает ФВ и снижает функциональный класс (ФК) ХСН у больных с дилатационной кардиомиопатией [172]. В некоторых странах ГР используют для лечения терминальной стадии СН у пациентов с иммунодефицитом [117, 151]. ИФР-1 обладает рост-стимулирующим и инсулиноподобным действием. [12, 187]. Присутствие ИФР-1 обнаруживается практически во всех физиологических жидкостях. В середине пубертатного периода концентрация ИФР-1 в сыворотке крови максимальная, которая постепенно снижается с возрастом. Снижение синтеза ИФР-1 приводит к развитию возрастных изменений в миокарде, таких как уменьшение числа КМЦ, снижение секреции белков, в том числе актина и миозина [42]. Наибольшая продолжительность жизни наблюдается у пациентов с высоким содержанием ИФР-1 [217]. Содержание ИФР-1 в крови имеет обратную взаимосвязь с возрастом, ростом, индексом массы тела (ИМТ), систолическим АД (САД) и уровнем холестерина [131]. Сниженное содержание ИФР-1 взаимосвязано с продолжительностью скорректированного интервала QT, что может обозначать его влияние на риск развития жизнеугрожающих аритмий [228, 241]. Известно, что как увеличение концентрации ИФР-1, так и его дефицит имеют отрицательное влияние на течение многих заболеваний сердечно-сосудистой системы. Многие пролиферативные и атеросклеротические изменения в эндотелии сосудов осуществляются под действием ИФР-1. Существуют исследования, где выявлено положительное влияние ИФР-1 на липидный спектр [144]. Отрицательные корреляции ИФР-1 и липопротеидов высокой плотности выявлены в клиническом исследовании с участием здоровых пациентов без сахарного диабета, где изучалась связь ИФР-1 и липопротеидов высокой плотности [213]. По-видимому, сниженное содержание ИФР-1 приводит к развитию метаболического синдрома и инсулинорезистентности [84].

Гиперэкспрессия инсулина при метаболическом синдроме приводит к снижению продукции ИФР-1 печенью и тканями. Доказано, что снижение синтеза ИФР-1 и увеличение АД способствуют формированию кардиоваскулярных осложнений при сахарном диабете [148]. В эксперименте введение ИФР-1 мышам вызывало пролиферацию гладкомышечных клеток и снижение процессов апоптоза [33, 208]. ИФР-1 так же, как и НУП, регулирует синтез монооксида азота в эндотелии сосудов, приводя к вазодилатирующему эффекту [127]. По данным некоторых авторов, дефицит ГР и ИФР-1 ассоциируется с утолщением комплекса интима-медиа сосудов, что является ранним морфологическим признаком начинающегося атеросклероза [10, 94]. Доказана роль ИФР-1 в развитии атеросклероза: выявлено достоверное снижение уровня ИФР-1 у пациентов, перенесших ИМ, мозговой инсульт [135, 155]. Развитие эксцентрической ГЛЖ сопровождается уменьшением синтеза ИФР-1 и преобладанием фиброобразования миокарда и апоптоза КМЦ. У больных акромегалией с гиперсекрецией ГР и ИФР-1 заболеваемость АГ выше, чем в общей популяции [23]. У больных с АГ уровень ИФР-1 коррелировал с выраженностью ГЛЖ [171]. ИФР-1 стимулирует пролиферацию меди сосудов, приводя к АГ. В ряде клинических исследований показано, что у пациентов с АГ ИММЛЖ ассоциируется с концентрацией ИФР-1 [115]. ИФР-1 в постинфарктном периоде повышает систолическую функцию сердца, возможно, посредством изменения внутриклеточного содержания кальция и экспрессии мРНК специфических сократительных белков КМЦ [69, 170]. Некоторые исследователи считают, что повышение уровня ИФР-1 увеличивает ФВ. Исследование на крысах с экспериментальным ИМ выявило, что непрерывное воздействие ГР в течение 14 дней увеличивает содержание ИФР-1, приводя к увеличению ФВ [26]. При искусственной ишемии сердца ИФР-1 может ограничить некротический очаг за счет антиапоптотической деятельности. ИФР-1 осуществляет свое благоприятное действие за счет уменьшения зоны ишемического повреждения и снижения апоптоза КМЦ [131].

При сниженном содержании ИФР-1 у экспериментальных животных, не перенесших ИМ, наблюдается усиление сократительной способности миокарда и

повышение АД [22, 136]. ИФР-1, наряду с АТ II, базальным фактором роста фибробластов, ТФР- β 1, катехоламинами, изменяет фенотип и функцию кардиальных фибробластов [164], которые активно продуцируют компоненты внеклеточного матрикса. Ostersiel K. с соавт. в 2000 г. пролечили пациентов с дилатационной кардиомиопатией, осложненной тяжелой ХСН, низкими дозами ГР, в результате содержание ИФР-1 в крови у этих пациентов увеличилось, увеличилась масса миокарда ЛЖ [22]. АТ II является функциональным ингибитором местной продукции ИФР-1, терапия пациентов ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента (АПФ) приводит к увеличению концентрации ИФР-1 [200]. Выявлена обратная корреляция содержания данного ростового фактора с комплексом интима–медия, который является прогностическим маркером риска развития острой недостаточности мозгового кровообращения [221]. Имеются исследования, в которых определен дефицит ИФР-1 у пациентов, перенесших ИМ [13]. Некоторые авторы указывают на прогрессирование ХСН при дефиците соматотропного гормона и ИФР-1 [232]. Дефицит ИФР-1 – это начало процесса декомпенсации адаптивного ремоделирования сердца. Результаты других клинических исследований показывают прямые взаимосвязи повышенного уровня ИФР-1 с риском развития ИБС [175]. По данным ряда авторов у пациентов ХСН с низким уровнем ИФР-1 чаще выявлялась декомпенсация ХСН и летальность [69, 194]. Развитие клинических проявлений ХСН, по данным ряда авторов, связано с низким уровнем ИФР-1 [39, 173]. При терминальной стадии ХСН снижается пульсаторная секреция ГР и ИФР-1, что приводит к снижению синтетических процессов в организме и развитию синдрома истощения [149]. При декомпенсации ХСН развивается резистентность к ГР и увеличивается содержание провоспалительных цитокинов в плазме крови [35].

При достижении стабилизации ХСН на фоне проводимого лечения было выявлено значительное снижение продукции ИФР-1 у больных дилатационной кардиомиопатией [120]. Исследования, направленные на изучение взаимосвязи ИФР-1 с выраженностью процессов ремоделирования миокарда у больных ХСН,

неоднозначны и единичны, что доказывает необходимость дальнейшего изучения.

1.4 Участие ТФР-β1 в развитии сердечно-сосудистых заболеваний

Одним из основных профиброгенных факторов роста, участвующих в миокардиальном ремоделировании в постинфарктном периоде, является ТФР-β1 [142]. ТФР- это семейство димерных полипептидов, которые широко представлены в тканях. ТФР-β существуют в 5 различных формах. Три из них имеют одинаковые биологические функции, но основную роль при воспалительных процессах, фиброзе сосудов и миокарда имеет ТФР-β1 [70, 236]. Неактивный ТФР-β1 секретируют моноциты макрофаги, фибробласты, эндотелиоциты, нейтрофилы, эозинофилы, тучные клетки, гладкомышечные клетки и клетки многих злокачественных новообразований [100]. При повреждении тканей под влиянием АТ II происходит активация гена ТФР-β1 [146]. ТФР-β1 является ростовым фактором с разнонаправленным действием. Данный ростовой фактор оказывает стимулирующие и ингибирующие эффекты для одних и тех же процессов. ТФР-β1 оказывает противовоспалительное и профибротическое действие. При воспалении ТФР-β1 ускоряет процессы заживления [233]. ТФР-β1 ингибирует пролиферацию лимфоцитов, подавляет гемопоэз, снижает синтез провоспалительных цитокинов [214]. ТФР-β1 регулирует иммунный ответ в стенке сосудов при воспалении, регулируя вовлечение в процесс лейкоцитов и клеток эндотелия. В эксперименте выявлено, что мыши с дефицитом этого профибротического фактора роста погибали в перинатальном периоде от множественных очагов воспаления [168].

Изменение содержания ТФР-β1 выявлено при многих наследственных заболеваниях соединительной ткани. Многие маркеры синдрома Марфана, такие как аневризма аорты, пролапс митрального клапана, обусловлены повышением активности сигнального пути ТФР-β1 [66, 237]. При атеросклерозе ТФР-β1 рассматривается как фактор, играющий значительную роль в поддержании

нормальной структуры сосудистой стенки, а также в контроле баланса между воспалением и отложением коллагена в экстрацеллюлярном матриксе. В некоторых исследованиях показано, что концентрация ТФР- β 1 в крови пациентов с выраженным атеросклерозом снижена [85]. Ингибирование ТФР- β 1 приводит к развитию процессов атеросклероза сосудов на фоне воспаления и снижения концентрации коллагена, ведущие к дестабилизации атеросклеротической бляшки [113, 225]. В других исследованиях была установлена связь между повышенным содержанием ТФР- β 1 и выраженностью атеросклероза от одной до трех коронарных артерий, подтвержденные результатами коронарографии [67, 154]. Имеются исследования, доказывающие наличие более стабильной атеромы у пациентов с гиперэкспрессией ТФР- β 1, а дефицит ТФР- β 1 является одним из факторов ослабления атеромы при остром коронарном синдроме. ТФР- β 1 обладает антиатеросклеротическим действием, ингибируя переход макрофагов в пенистые клетки в результате снижения экспрессии на мембране клеток рецептора липопротеидов низкой плотности [165]. Противовоспалительная роль ТФР- β 1 может приобрести патологический характер: в результате возникает гиперпролиферация фибробластов, повышенный синтез коллагена [135]. ТФР- β 1 активизирует фиброз и ГЛЖ у пациентов с АГ [192]. В экспериментальных исследованиях была доказана важная роль данного ростового фактора в развитии ГЛЖ и выявлена корреляция гиперэкспрессии ТФР- β 1 со степенью АД [188]. Уровень ТФР- β 1 значительно возрастает у пациентов с АГ в сравнении с группой контроля [188]. В гладкомышечных клетках сосудов, клетках эндотелия и фибробластах ТФР- β 1 повышает синтез белков внеклеточного матрикса [114]. ТФР- β 1 снижает синтез коллагеназы и стимулирует выработку тканевого ингибитора металлопротеиназ, что приводит к замедленному разрушению компонентов внеклеточного матрикса и как следствие к его чрезмерному накоплению. В экспериментальном исследовании у трансгенных мышей с гиперэкспрессией ТФР- β 1 отмечен более значимый фиброз миокарда, ассоциировавшийся с ингибированием активности матриксных металлопротеиназ [196]. Ингибирование активности ТФР- β 1 блокирующими

антителами предотвращает развитие ремоделирования миокарда, характеризующегося прогрессирующим фиброзом и дилатацией ЛЖ [171]. ТФР- β 1 изменяет электрофизиологические свойства КМЦ, способствуя развитию нарушений ритма и проводимости, увеличивает ток ионов натрия и уменьшает ток ионов калия [96]. Это может вызвать удлинение длительности потенциала действия и появление ранних постдеполяризаций, а также вызывает фиброз проводящей системы в сердце. Выявлено, что у пациентов со стабильной ИБС уровень ТФР- β 1 в сыворотке крови значимо выше в сравнении с группой здоровых лиц. В эксперименте выявлено снижение ТФР- β 1 в КМЦ через 1 час после развития ишемии и увеличение содержания ТФР- β 1 через 24–48 часов [154]. По данным исследования с участием пациентов ИБС после аорто-коронарного шунтирования установлены ассоциации уровня ТФР- β 1 и ишемии миокарда [50]. Повышение содержания ТФР- β 1 в миокарде отмечено у больных ХСН с дилатационной и гипертрофической кардиомиопатией [81]. Уровень ТФР- β 1 выше у пациентов с ХСН в сравнении с контролем и коррелирует с ФК СН по классификации Нью-Йоркской ассоциации кардиологов (NYHA) [128]. Результаты исследований ТФР- β 1 при ХСН также противоречивы. В экспериментальных и клинических исследованиях с ГЛЖ, показано увеличение экспрессии ТФР- β 1 при развитии ХСН [110, 154]. В то же время имеются работы, в которых определен дефицит ТФР- β 1 у больных ХСН в постинфарктном периоде [67]. Эксперименты на мышах с повышенным содержанием ТФР- β 1 демонстрируют повышение у них АД, резистентности периферического сосудистого русла и уменьшение диаметра сосудов [27]. В экспериментальных исследованиях у мышей с гиперэкспрессией ТФР- β 1 развивалась выраженная гипертрофия КМЦ [40, 47]. Клинические исследования у больных АГ также свидетельствуют об участии ТФР- β 1 в развитии гипертрофии КМЦ за счёт интерстициального фиброза [56]. В некоторых исследованиях у больных с фибрилляцией предсердий на фоне стабильной ИБС или ревматической болезни сердца в биоптатах предсердий была зарегистрирована активация системы ТФР- β 1 в сочетании с воспалительными и

фиброзными изменениями [104]. ТФР- β 1, как и ИФР-1, играет важную роль в развитии возрастного фиброза миокарда [205]. Данный профибротический фактор роста в молодом возрасте продуцируется на низком уровне и с возрастом его экспрессия повышается. Более высокая концентрация ТФР- β 1 в плазме крови связана с повышенным риском развития СН у пожилых людей.

Таким образом, ТФР- β 1 играет центральную роль в патогенезе ремоделирования и патологического фиброза миокарда ЛЖ. В литературе представлены неоднозначные исследования, направленные на оценку взаимоотношений профибротического фактора ТФР- β 1 с миокардиальным ремоделированием у пациентов ХСН ишемического генеза, что диктует важность проведения дальнейших исследований.

1.5 Участие альдостерона в развитии сердечно-сосудистых заболеваний

Ремоделирование миокарда в постинфарктном периоде обусловлено участием нейрогуморальных систем, таких как РААС, симпато-адреналовая система, НУП и эндотелиальные факторы [75, 226]. Активация нейрогормонов в раннем постинфарктном периоде направлена на поддержание ФВ и уровня АД. Постепенно нейрогуморальная активация приобретает патологический характер, приводя к прогрессированию ремоделирования и развитию СН. Эффекты РААС осуществляются на местном и системном уровнях [91]. После перенесенного ИМ низкое АД инициирует выработку катехоламинов надпочечниками, выделение NT-proBNP [56].

Активируются локальные компоненты РААС (альдостерон, ангиотензиноген, ренин, АПФ, АТ II и ангиотензиновые рецепторы) не только в КМЦ, но и клетках почек, жировой ткани, гепатоцитах, эндотелиоцитах и клетках центральной нервной системы [91]. АТ II стимулирует апоптоз, вызывает вазоконстрикцию в зоне ишемии, обладает прямым трофическим эффектом на КМЦ, вызывает пролиферацию фибробластов посредством

активации ТФР- β 1. На синтез коллагена после перенесенного ИМ оказывают влияние альдостерон, NT-proBNP, ЭТ-1. Показано, что содержание локального миокардиального альдостерона в 17 раз выше, чем содержание альдостерона в сыворотке крови [6, 37]. Альдостерон является конечным продуктом активации РААС. Альдостерон - минералокортикоид, секретруется клубочковой зоной коркового вещества надпочечников с помощью фермента альдостеронсинтетазы, которая также обнаружена и в миокарде [33]. Альдостерон стимулирует процессы всасывания воды и натрия из просвета кишечника и задерживает в организме ионы натрия, увеличивая объем циркулирующей крови, что способствует возникновению объем зависимой гипертензии, перегрузки сердца объемом. Альдостерон играет важную роль в развитии ССЗ независимо от уровня АТ II [15]. Так, у пациентов с первичным гиперальдостеронизмом наблюдается выраженная степень ГЛЖ, альбуминурия при сниженной концентрации АТ II. Пациенты с гиперальдостеронизмом имеют более высокий риск развития острой недостаточности мозгового кровообращения в сравнении с пациентами с ГБ [30]. В экспериментальных исследованиях установлено, что альдостерон обладает выраженным профибротическим и гипертрофическим влиянием на миокард, вне зависимости от уровня АД и объема циркулирующей плазмы [147]. Альдостерон – индуцированный фиброз развивается на 15-20 сутки после перенесенного ИМ. Гиперэкспрессия альдостерона при ХСН активирует симпатическую стимуляцию и ингибирует парасимпатическую нервную систему, нарушает работу барорецепторов. Уровень катехоламинов в плазме, крови и в моче повышается пропорционально тяжести процесса ремоделирования вследствие развивающейся недостаточности кровообращения [87]. В эксперименте на крысах установлено, что фиброз, особенно вокруг коронарных артерий, опосредован выраженным синтезом коллагена I и III типов, под влиянием альдостерона и АТ II [33]. Альдостерон активирует рецепторы сосудистых фибробластов, приводя к повышенному синтезу коллагена I типа. Данный минералокортикоид повышает выработку профиброгенных факторов [24]. В миокарде альдостерон способствует повышению активности ТФР- β 1 [90].

Имеются сведения об уменьшении продукции ТФР- β 1 в миокарде при применении антагонистов альдостерона [87], но есть и противоречивые работы, не подтверждающие эти предположения [17]. По мнению некоторых исследователей, профиброгенный эффект альдостерона реализуется через галектин-3 [146] и ЭТ-1 [188]. ЭТ-1 стимулирует гипертрофию КМЦ и повышает коллагенообразование фибробластами. В периферических сосудах альдостерон способствует развитию эндотелиальной дисфункции, приводя к пролиферации стенки сосудов и развитию процессов атеросклероза. Доказано, что альдостерон способствует развитию фиброза и за счет увеличения концентрации рецепторов АТ II [54]. В ряде других клинических исследований показано, что патологические процессы и осложнения при ХСН, наблюдаемые при дезадаптивном ремоделировании ЛЖ, связаны с действием альдостерона, а не с АТ II. Гиперэкспрессия этого минералкортикоида у пациентов с ХСН свидетельствует о развитии неблагоприятного прогноза [181]. Альдостерон приводит к воспалению и некрозу мелких артерий и артериол, вызывает апоптоз КМЦ, еще более усугубляя систолическую дисфункцию в постинфарктном периоде [146]. Изменения структуры миокарда, диастолическая дисфункция, гипокалиемия, гипوماгнемия может способствовать возникновению жизнеугрожающих желудочковых аритмий [88, 223]. Развитие ГЛЖ прямопропорционально связано с концентрацией альдостерона в крови, у пациентов с высоким уровнем данного минералкортикоида степень ГЛЖ выше [2]. Развитие ГЛЖ при этом происходит не за счет гиперплазии КМЦ, а за счет пролиферации фибробластов. В постинфарктном периоде продукция альдостерона возрастает пропорционально тяжести ХСН. В позднем постинфарктном периоде его уровень увеличивается и становится выше, чем при остром процессе. Содержание альдостерона зависит от локализации зоны некроза: при ИМ передней стенки уровень альдостерона был выше в сравнении с ИМ нижней и задней локализации [89]. Одной из причин возникновения отеков при ХСН является гиперальдостеронизм. У пациентов с ХСН содержание альдостерона в сыворотке крови может значительно превышать контрольные

значения [190]. При ХСН существует феномен «ускользания» альдостерона при применении сартанов или ингибиторов АПФ, когда кардиопротективный эффект уменьшается со временем, и это связано с восстановлением повышенного уровня альдостерона на фоне сниженного уровня АТ II [119]. Сочетание препаратов данных групп с антагонистами минералкортикоидных рецепторов уменьшает смертность при СН на 30 % [119]. Повышенный уровень альдостерона установлен также у лиц с метаболическим синдромом [28, 79]. В некоторых работах показано, что альдостерон инициирует развитие инсулинорезистентности [176]. Поэтому важным является изучение патогенетических механизмов активации профиброгенных факторов роста, таких как альдостерон, и определение его роли в процессах фиброзирования и структурно-функциональной перестройки миокарда [220].

ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Объект и дизайн исследования, клиническая характеристика исследуемых

В период с 2015-2018 гг. осуществлялся набор пациентов мужского пола с ХСН II, III, IV ФК по NYHA, в возрасте от 39 до 65 лет (средний возраст составил $55,6 \pm 12,1$ лет), из числа пациентов кардиологических отделений государственного бюджетного учреждения здравоохранения Республиканский кардиологический центр г. Уфы с 2015-2018 гг. Приглашенные для участия в исследовании лица были ознакомлены с целью исследования, перечнем иммунологических и диагностических методов исследования, добровольно подписаны информированные согласия.

Критерии включения в исследование:

1. Письменное информированное согласие на участие в исследовании;
2. Перенесенный Q-ИМ более 12 мес. назад;
3. ХСН II, III, IV ФК, подтвержденное наличием клинических проявлений и симптомов или дисфункцией миокарда ЛЖ по эхокардиографии (ЭхоКГ); повышением уровня NT-proBNP > 125 пг/мл;
4. Синусовый ритм.

Критерии исключения:

1. Неишемическая этиология ХСН;
2. Декомпенсация сердечной недостаточности менее чем за 6 месяцев до начала исследования;
3. Острое сердечно-сосудистое событие (коронарная ангиопластика, острая недостаточность мозгового кровообращения, транзиторная ишемическая атака) менее чем за 3 месяца до начала исследования;

4. Артериальная гипертензия;
5. Желудочковая экстрасистолия высоких градаций;
6. Фибрилляция и трепетание предсердий;
7. Врожденные и приобретенные пороки сердца;
8. Сахарный диабет 1 и 2 типа;
9. Ожирение ($ИМТ \geq 30 \text{ кг/м}^2$);
10. Состояния, сопровождающиеся повышением активности маркеров фиброза миокарда (заболевания соединительной ткани, онкологические, ревматологические заболевания, аутоимунные заболевания, выраженный фиброз печени, легких, хроническая болезнь почек).

В исследование было включено 120 мужчин. В зависимости от ФК ХСН по классификации NYHA были разделены на три группы: 40 (33,3%) мужчин с ХСН II ФК включены в первую группу, вторая группа состояла из 42 (35%) пациентов с ХСН III ФК, в третью группу были включены 38 (31,7%) пациентов с ХСН IV ФК. К группе пациентов с ХСН с ФВ >50 % относились 13 (10,8 %) мужчин, к группе пациентов с ХСН с ФВ 40-49 % относились 42 (35%) пациента, к группе пациентов с ХСН с ФВ <40 % относились 65 (54,2 %) пациентов. Группу контроля составили 25 здоровых мужчин-добровольцев (средний возраст – $56,4 \pm 4,72$ лет). У этой группы отсутствовали признаки ССЗ, что установлено при проведении велоэргометрии, теста с 6-минутной ходьбой, ЭхоКГ, проведении суточного мониторирования АД. Пациенты с ХСН находились на медикаментозной терапии в соответствии с клиническими рекомендациями, включающей ингибиторы АПФ, бета-адреноблокаторы, антагонисты минералокортикоидных рецепторов, диуретики, по показаниям – ивабрадин, сердечные гликозиды, антикоагулянты, статины, метаболические средства[75].

Дизайн исследования представлен на рисунке 1.

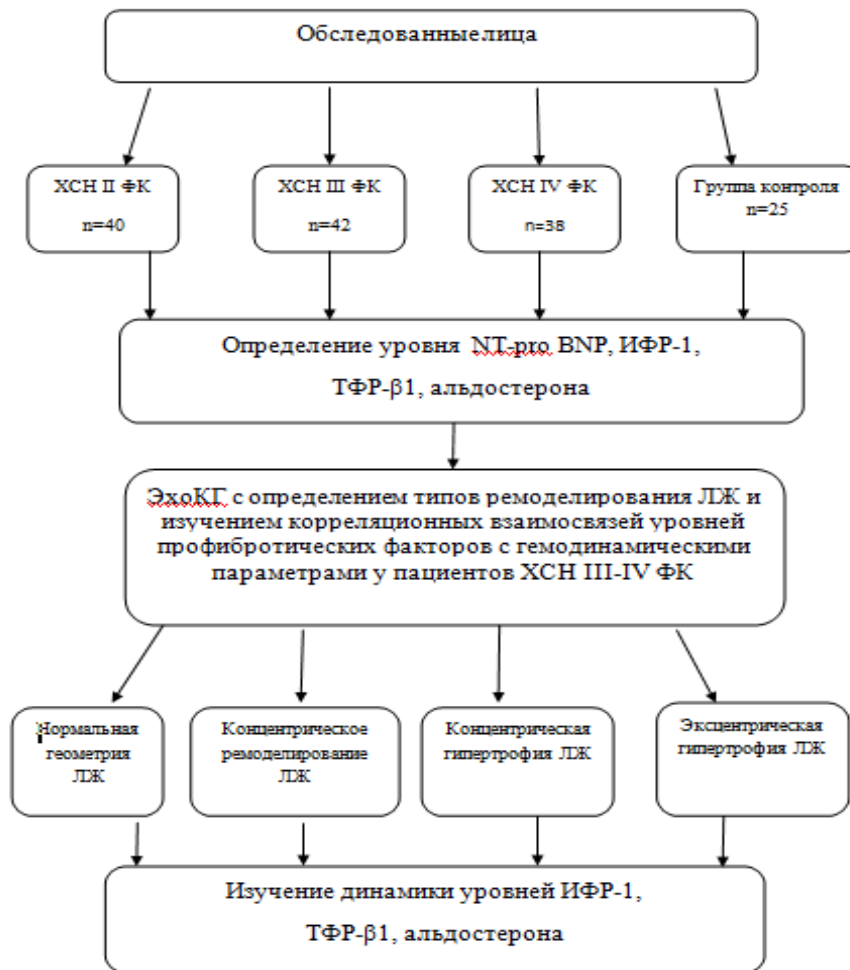

Рисунок 1 – Дизайн исследования.

Анамнестическая длительность заболевания составила $6,2 \pm 0,47$ лет. Отягощенный семейный анамнез по ИБС имели 59 (49,1 %) пациентов. У 63 (52,5%) пациентов зафиксирован ИМ передней стенки ЛЖ, нижний ИМ – у 31 (25,8%) пациентов, задний ИМ – у 4 (3,3%) пациентов и другая локализация (боковой, циркулярный ИМ) – у 22 (18,3%) пациентов. У 98 (81,7

%) пациентов с ХСН, перенесших ИМ, были выполнены ранние и отсроченные чрескожные коронарные вмешательства (экстренная коронарография и стентирование коронарной артерии), которые были

успешными и сопровождались ускоренной редукцией сегмента ST и снижением депрессии в реципрокных отведениях, по данным ЭКГ, восстановлением кровотока в инфарктзависимой коронарной артерии по результатам коронарографии. Исследуемые мужчины ХСН II-IV ФК были сопоставимы по уровню систолического АД (САД) и диастолического АД (ДАД) ($p>0,05$) (таблица 1). Возраст пациентов в группах с ХСН II ФК и ХСН III ФК не различался ($p=0,143$), пациенты с ХСН IV ФК были старше по возрасту в сравнении с группой контроля ($p=0,019$) и с пациентами ХСН II ФК ($p=0,042$). При прогрессировании ХСН уменьшается индекс массы тела (ИМТ). В группе пациентов с ХСН IV ФК средний ИМТ был значимо ниже в сравнении с группой контроля ($p=0,011$) и с ХСН II ФК ($p=0,013$). При оценке частоты сердечных сокращений (ЧСС) у пациентов ХСН III и IV ФК определена более высокая ЧСС на 18,1% ($p=0,040$) и 23,4% ($p=0,036$) в сравнении с ХСН II ФК и в сравнении с группой контроля на 22,7% ($p=0,040$) и 27,7% ($p=0,036$) соответственно. Пациенты с ХСН II ФК имели достоверно большую толерантность к физической нагрузке в сравнении с пациентами с ХСН III ФК ($p=0,012$). Наиболее низкая толерантность к физической нагрузке зарегистрирована у пациентов ХСН IV ФК, в 2,4 раза ниже в сравнении с ХСН ФК II ($p=0,008$) и в 1,8 раз в сравнении с ХСН III ФК ($p=0,005$) и в 3,8 раза в сравнении со здоровыми лицами ($p=0,001$).

Таблица 1 - Клиническая характеристика обследованных групп

Параметр	Контроль	ХСН II ФК	ХСН III ФК	ХСН IV ФК
Пол: мужчины n (%)	25 (100%)	40 (100%)	42 (100%)	38 (100%)
Возраст, лет M±SD	47,3±5,6	49,3±3,52	58,4±5,41	64,1±5,83*†
ИМ, n (%)	0 (0%)	40 (100%)	42 (100%)	38 (100%)

Продолжение таблицы № 1

ИМТ, кг/м ² M±SD	25,7±3,1	27,2±2,10	24,3±2,51	20,5±1,80*†
САД, мм.рт.ст [Q25; Q75]	127[120;134]	122 [116;130]	116 [106; 124]	108[98; 116]
ДАД, мм.рт.ст [Q25; Q75]	73 [70;81]	82 [70;85]	78 [60;74]	70 [58;68]
ЧСС, уд/мин [Q25; Q75]	68 [52;73]	72 [68;76]	88 [80;92] *†	94 [88;98] *†
ТШХ, метры [Q25; Q75]	571[560;600]	363 [320; 400]	272[232;292] *†	152[135;187]*†‡
ХСН нФВ ЛЖ (<40%), n(%)	0	0	27 (64,3%)	38 (100 %)
ХСН пФВ ЛЖ (40- 49%), n(%)	0	28 (70%)	14 (33,3 %)	0
ХСН сФВ ЛЖ (>50%), n(%)	0	12 (30%)	1 (2,4 %)	0

Примечание: * - p<0,05 при сравнении с контролем; † - p<0,05 при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - p<0,05 при сравнении с ХСН III ФК.

2.2 Методы исследования

ФК ХСН оценивали по клинической симптоматике и по тесту с 6-минутной ходьбой. Тест с шестиминутной ходьбой проводили в размеченном для этой цели коридоре (длина 50 метров) по стандартной методике.

2.2.1 Функциональные методы исследования

Из инструментальных методов обследования пациентам ХСН проводили электрокардиографию (ЭКГ) в 12 отведениях и трансторакальную ЭхоКГ. ЭхоКГ проводилась на аппарате VINGMED System Five (General Electric, США) с измерением стандартных линейных размеров сердца, объемные показатели и ФВ определяли по методу Симпсона и соотносили к площади поверхности тела. Для расчета индекса массы миокарда ЛЖ (ИММЛЖ) массу миокарда ЛЖ (ММЛЖ) соотносили к площади поверхности тела. ММЛЖ, относительную толщину стенок (ОТС), индекс сферичности (ИС), миокардиальный стресс (МС) рассчитывали по специальным формулам в соответствии с рекомендациями Американского общества эхокардиографии и Европейской ассоциации сердечно-сосудистой визуализации от 2015 года [216]. В соответствии с этими рекомендациями, пациенты с $\text{ИММЛЖ} \leq 115 \text{ г/м}^2$, $\text{ОТС} < 0,42$ составили группу пациентов с нормальной геометрией ЛЖ; в группу концентрического ремоделирования были включены пациенты с $\text{ИММЛЖ} \leq 115 \text{ г/м}^2$, $\text{ОТС} \geq 0,42$; при показателях $\text{ИММЛЖ} \geq 115 \text{ г/м}^2$, $\text{ОТС} \geq 0,42$ пациенты относились к группе пациентов с концентрической ГЛЖ, пациенты с $\text{ИММЛЖ} \geq 115 \text{ г/м}^2$ и $\text{ОТС} \leq 0,42$ относились к группе пациентов эксцентрической ГЛЖ.

2.2.2 Иммунологические методы

Для количественного определения NT-proBNP в сыворотке крови методом иммуноферментного анализа использовали набор реактивов «NT-proBNP-ИФА-БЕСТ» (АО «Вектор Бест», Россия). Диагноз ХСН подтверждался при значениях NT-proBNP ≥ 125 пг/мл. Определение содержания ИФР-1 проводилось методом иммуноферментного анализа с применением тест систем Bender Med Systems (Австрия). Определение концентрации ТФР- β 1 проводилось методом иммуноферментного анализа с применением реактивов Bender Med Systems (Австрия). Определение содержания альдостерона проводилось методом

иммуноферментного анализа с использованием тест систем фирмы "Immunotech" (Чехия) согласно инструкции.

2.2.3 Статистические методы

Статистический анализ выполнен с помощью программы Rstudio с открытым кодом. Графический анализ данных выполнен с помощью Microsoft office Excel 2013. Все данные измерений были проверены на нормальность. Результаты исследования представлены в виде среднего арифметического значения и его стандартного отклонения ($M \pm SD$) для нормального распределения данных и медианы с отражением 25 и 75 перцентилей для данных с ненормальным распределением. Для сравнения двух групп, удовлетворяющих критериям применимости параметрических методов, использовался t -критерий Стьюдента, u- критерий Манна-Уитни для групп, не имеющих нормального распределения. Корреляционный анализ Спирмена выполнялся для оценки взаимосвязи признаков (при ненормальном распределении признака) и Пирсона (при нормальном распределении признака). Критерий значимости статистических методов устанавливался на уровне $p < 0,05$.

ГЛАВА 3 СОСТОЯНИЕ ВНУТРИСЕРДЕЧНОЙ ГЕМОДИНАМИКИ И ТИПЫ РЕМОДЕЛИРОВАНИЯ ЛЖ У ЗДОРОВЫХ ЛИЦ И БОЛЬНЫХ ХСН

3.1 Гемодинамические параметры у группы контроля и у пациентов ХСН

При постинфарктном ремоделировании миокарда наблюдаются гипертрофия и снижение числа КМЦ, повышенное накопление коллагена в интерстиции. Прогрессирующее ремоделирование миокарда ЛЖ стимулирует дилатацию и дисфункцию ЛЖ, которые способствуют прогрессированию ХСН [3, 80]. При оценке данных внутрисердечной гемодинамики у пациентов ХСН II ФК выявлены значимые различия показателей КДОИ, КСОИ, ИММЛЖ, ИС, ОТС и МС в сравнении с группой контроля (таблица 2). Данные сократительной функции ($p=0,129$) и индексированный конечно-систолический объем левого предсердия (ИО ЛП) в этой группе не отличались показателей в группе контроля ($p=0,340$), но объемные показатели левого желудочка были значимо выше: индексированный конечно-диастолический объем ЛЖ (КДОИ ЛЖ) в 1,4 раза ($p=0,001$) и индексированный конечно-систолический объем ЛЖ (КСОИ ЛЖ) 1,6 раза ($p=0,001$). Также отмечалось существенное увеличение ИММЛЖ на 27,3% ($p=0,001$) и ИС на 16,9% ($p=0,003$), что свидетельствует о структурной перестройке левых камер сердца уже на начальных стадиях ХСН. ОТС ЛЖ при ХСН II ФК была выше ОТС в группе контроля и достигала 0,47 ($p<0,001$). В группе пациентов ХСН II ФК повышение ОТС и ИММЛЖ свидетельствует о формировании у пациентов этой группы адаптивного концентрического ремоделирования ЛЖ. Показатель МС ЛЖ существенно повышался с увеличением ФК ХСН. У пациентов с ХСН ФК II показатель МС ЛЖ был выше в 1,3 раза в сравнении с группой контроля ($p=0,014$). Увеличение объема ЛЖ взаимосвязано с уровнем МС, обусловленного возрастанием внутрижелудочкового давления, что свидетельствует о повышении жесткости

миокарда ЛЖ и снижении его эластических свойств. Выявленные изменения внутрисердечной гемодинамики у пациентов с ХСН II ФК указывают о начале процессов адаптивного ремоделирования в условиях повышения пред- и постнагрузки на миокард, снижения сократительной функции ЛЖ, и о вовлечении механизмов компенсации для сохранения ударного объема, за счет дилатации и сферификации ЛЖ.

Таблица 2 - Эхокардиографические показатели у пациентов ХСН II-IV ФК и у группы контроля

Параметр	Контроль (n=25)	ХСН II ФК (n=40)	ХСН III ФК (n=42)	ХСН IV ФК (n=38)
КДОИ, мл/м ²	52,2±3,21	71,8±6,03*	88,4±7,32*†	98,9±8,42*†
КСОИ, мл/м ²	25,2±2,21	41,2±3,74*	55,6±4,32*†	70,5±6,09*†‡
ИО ЛП, мл/м ²	25,1 [16,3;28,2]	25,3[18,9;29,6]	27,2 [16,5;31,3]	28,0 [17,1;31,4]
ИММЛЖ, г/м ²	88,2±6,10	112,3±9,21*	161,4±13,22*†	208,7±15,13*†‡
ФВ ЛЖ, %	61,4±3,51	49,2±5,09	36,6±3,05*†	27,3±2,02*†‡
ОТС	0,44 [0,43;0,44]	0,47 [0,46;0,48]*	0,46 [0,45;0,47]*	0,29 [0,28;0,32]*†‡
ИС	0,59 [0,56;0,62]	0,69 [0,61;0,72]*	0,74 [0,72;0,76]*	0,80 [0,78;0,82]*†‡
МС, дин/см ²	109[101;116]	137[132;144]*	159 [153;168]*	197[182;212]*†‡

Примечание: * - p<0,05 при сравнении с контролем; † - p<0,05 при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - p<0,05 при сравнении с ХСН III ФК.

При ХСН III ФК происходят дальнейшие изменения структурно-функциональных свойств ЛЖ. В группе пациентов с ХСН III ФК объемные показатели ЛЖ: КДОИ ЛЖ в 1,7 раза ($p=0,006$) и КСОИ ЛЖ в 2,2 раза ($p=0,001$) были выше в сравнении с группой контроля, в сравнении с группой пациентов с ХСН II ФК на 23,1% ($p=0,004$) и на 34,9% ($p=0,002$) соответственно. Статистических различий ИО ЛП в сравниваемых группах не выявлено ($p=0,406$). В группе пациентов с ХСН III ФК также увеличивались ИММЛЖ в 1,4 раза ($p=0,001$) и ИС в 1,3 раза ($p=0,003$) в сравнении с пациентами с ХСН II ФК. ОТС у пациентов с ХСН III ФК существенно отличалась от значений ОТС в группе контроля ($p<0,001$). У пациентов с ХСН ФК III показатель МС ЛЖ значимо превышал данные у группы контроля (в 1,5 раза; $p=0,005$) и группы пациентов с ХСН II ФК (в 1,2 раза; $p=0,003$). В группе пациентов с ХСН ФК III повышались ИММЛЖ, ИС, ОТС, что может свидетельствовать о преобладании в этой группе концентрического типа гипертрофии ЛЖ.

Максимальное увеличение полости ЛЖ было выявлено при ХСН IV ФК, так параметр КДОИ ЛЖ был выше в 1,9 раза в сравнении с контролем ($p=0,003$), на 37,7% превышал данные пациентов с ХСН II ФК ($p=0,002$) и на 11,9% данные КДОИ при ХСН III ФК ($p=0,003$). При ХСН IV ФК КСОИ ЛЖ в 2,8 раза превышал данные группы контроля ($p<0,001$), на 37,7 % в сравнении с группой пациентов с ХСН II ФК ($p=0,015$) и на 11,9 % в сравнении с группой пациентов с ХСН III ФК ($p=0,022$).

По мере прогрессирования ХСН и повышения ФК ХСН прогрессировала систолическая дисфункция [39]. Выраженное снижение систолической функции ЛЖ выявлено у пациентов ХСН IV ФК, величина ФВ ЛЖ была в 1,8 раза ниже в сравнении с группой с ХСН II ФК ($p=0,022$) и в 1,3 раза в сравнении с группой с ХСН III ФК ($p=0,027$). Установлено, что исследуемых с ХСН IV ФК наблюдалось увеличение ИММЛЖ в сравнении с группой контроля ($p<0,001$), ИММЛЖ был выше, чем у пациентов ХСН II ФК на 46,2 % ($p=0,019$) и на 22,7 % выше, чем у пациентов ХСН III ФК ($p=0,037$). В нашем исследовании наблюдалось увеличение ИММЛЖ на фоне снижения параметров ОТС ЛЖ и нарастание ИС

ЛЖ. У пациентов ХСН IV ФК ОТС ЛЖ была наименьшей и значимо ниже в сравнении с контролем ($p=0,001$) и показателями при ХСН II ФК (в 1,6 раза; $p=0,002$) и III ФК (на 58,6%; $p=0,002$). В группе пациентов с ХСН IV ФК зарегистрирована утрата сердцем эллипсоидной формы в виде значимого подъема ИС ЛЖ в 1,4 раза в сравнении с группой контроля ($p=0,001$) и с пациентами ХСН II ФК (в 1,2 раза; $p=0,001$) и ХСН III ФК (в 1,1 раза; $p=0,001$). МС ЛЖ существенно повышался и был максимальный у пациентов ХСН IV ФК в сравнении с группой контроля (45%; $p<0,001$), с группой пациентов с ХСН II ФК (30,5%; $p=0,002$) и группой пациентов с ХСН III ФК (19,3%; $p=0,003$).

Таким образом, представленные данные изменения внутрисердечной гемодинамики у пациентов ХСН доказывают формирование процессов структурно-функциональной перестройки миокарда ЛЖ при дестабилизации течения ХСН у пациентов.

3.2 Типы геометрии ЛЖ в группе контроля и у пациентов ХСН II ФК

В группе контроля (рисунок 2) у 16 человек (64%) зарегистрирована нормальная геометрия ЛЖ, у 6 человек (24%) зарегистрировано концентрическое ремоделирование ЛЖ и у 3 мужчин (12%) выявлена концентрическая ГЛЖ.

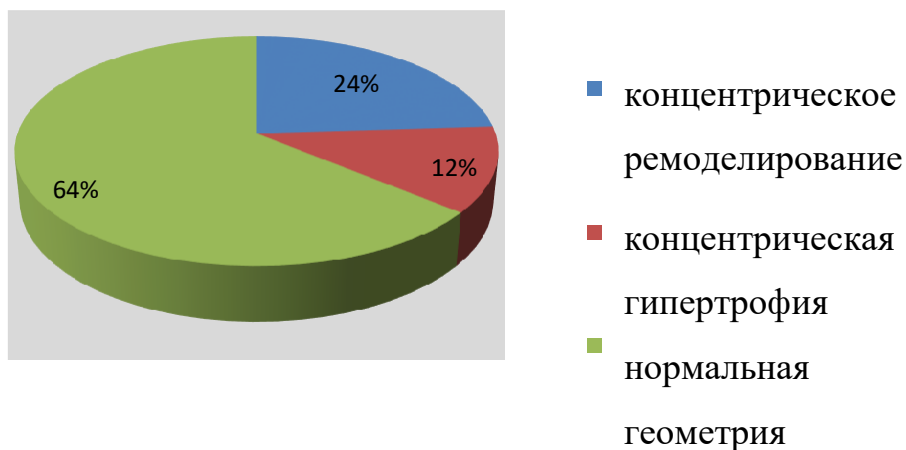

Рисунок 2 - Типы геометрии ЛЖ у группы контроля (n=25).

У большинства мужчин (n=24) с ХСН II ФК был определен концентрический тип ремоделирования ЛЖ (60%), у 11 пациентов ХСН II ФК была выявлена концентрическая ГЛЖ (27,5 %), а у 5 (12, 5%) мужчин выявлена нормальная геометрия ЛЖ (рисунок 3). Как видно из представленных данных, при ХСН II ФК преобладало концентрическое ремоделирование ЛЖ.

Рисунок 3 - Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН ФК II (n=40).

Многие авторы считают концентрический тип ГЛЖ состоянием компенсации, а эксцентрический тип - дезадаптивным состоянием при ремоделировании ЛЖ, при этом при процессах структурно-функциональной перестройки сердце больного адаптируется таким образом, что ИММЛЖ компенсирует увеличение объема ЛЖ [80]. Преобладание концентрического ремоделирования ЛЖ у пациентов с ХСН II ФК можно рассматривать как начало процесса структурно-функциональной перестройки миокарда.

3.3 Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН III и IV ФК

В группе пациентов с ХСН III ФК у 23 (54,8%) пациентов зарегистрирована концентрическая ГЛЖ, у 15 (35,7%) – эксцентрическая ГЛЖ, а у 4 (9,5%) исследуемых было концентрическое ремоделирование ЛЖ (рисунок 4). Данные нашей работы указывают на преобладание у исследуемых концентрического типа ГЛЖ. У пациентов с ХСН III ФК не была выявлена

нормальная геометрия ЛЖ. Состояние внутрисердечной гемодинамики имеет большое значение в процессах ремоделирования ЛЖ при сердечно-сосудистых заболеваниях. Изменение нормальной формы эллипса ЛЖ является начальным признаком структурно-функциональной перестройки, который может стать пусковым стимулом для дальнейшего прогрессирования ХСН до стадии клинических проявлений [78].

Рисунок 4 - Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН ФК III (n=42).

У пациентов ХСН IV ФК установлено, что у 71,1% (n=27) была эксцентрическая ГЛЖ, у 23,7% (n=9) – концентрическая ГЛЖ, и только у 5,2% пациентов (n=2) – концентрическое ремоделирование ЛЖ (рисунок 5). Как видно из представленных данных, у пациентов ХСН IV ФК преобладает эксцентрическая ГЛЖ и ни у одного пациента не зарегистрирована нормальная геометрия ЛЖ.

Рисунок 5 - Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН ФК IV (n=38).

При прогрессировании ХСН снижается число пациентов с нормальной геометрией ЛЖ и возрастает с эксцентрической ГЛЖ. У исследуемых пациентов ХСН ишемического генеза (рисунок 6) наблюдались следующие типы ремоделирования миокарда ЛЖ: у 4,2% пациентов с ХСН (n=5) выявлена нормальная геометрия ЛЖ, концентрическое ремоделирование ЛЖ определено у 25% пациентов ХСН (n=30), у большинства (35,8%) обследуемых зарегистрирована концентрическая ГЛЖ (n=43) и эксцентрическая ГЛЖ зарегистрирована у 35% пациентов (n=40). При ХСН с тяжелым течением наблюдается прогрессирование структурно-функциональной перестройки миокарда с развитием эксцентрической ГЛЖ. Приобретение сердцем шарообразной формы является маркером прогрессирования ХСН.

Рисунок 6 - Типы геометрии ЛЖ у пациентов ХСН ишемического генеза (n=120).

Наши данные по оценке типов ремоделирования у исследуемых ХСН соответствуют исследованиям других авторов [34, 48]. Таким образом, формирование процессов ремоделирования миокарда при прогрессирующем течении ХСН развивается на фоне снижения ФВ и увеличения объема ЛЖ, что сопровождается значительным увеличением ИММЛЖ при минимальной ОТС, на фоне увеличения МС и возрастания ИС с выраженной шарообразной деформацией ЛЖ. Наиболее значимые сдвиги гемодинамических параметров ЛЖ были у пациентов ХСН III-IV ФК, в группе которых, в основном, выявлена

эксцентрическая ГЛЖ, что свидетельствует о формировании декомпенсированной формы ремоделирования ЛЖ [45, 52].

ГЛАВА 4 ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФИБРОТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И НАТРИЙУРЕТИЧЕСКИХ ПЕПТИДОВ У ПАЦИЕНТОВ ХСН II, III, IV ФК И КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГЕМОДИНАМИЧЕСКИМИ ПАРАМЕТРАМИ И УРОВНЕМ НАТРИЙУРЕТИЧЕСКИХ ПЕПТИДОВ У ПАЦИЕНТОВ С ХСН III-IV ФК

4.1 Изменение уровня натрийуретических пептидов у пациентов ХСН II-IV ФК и его взаимосвязи с гемодинамическими параметрами при ХСН III и IV ФК

НУП являются важным информативным маркером миокардиального стресса и повышаются при увеличении пост- и преднагрузки на миокард и перерастяжении сердца [92, 167].

В нашей работе показан значительный рост уровня NT-proBNP у пациентов ХСН в сравнении с контролем (таблица 3). По мере прогрессирования заболевания уровень NT-proBNP увеличивался. В группе пациентов с ХСН II ФК уровень NT-proBNP был в 3,6 выше уровня NT-proBNP в группе контроля ($p=0,001$).

Таблица 3 - Уровень NT-proBNP у пациентов ХСН и у группы контроля

Параметр Me [Q25; Q75]	Контроль (n=25)	ХСН II ФК (n=40)	ХСН III ФК (n=42)	ХСН IV ФК (n=38)
NT-pro BNP, пг/мл	114,5 [85,1;117,2]	408,5 [361,39;445,6]*	695,4 [419,2;861,5]*†	942,8 [708,3;1029,3]*†‡

Примечание: * - $p<0,05$ при сравнении с контролем; † - $p<0,05$ при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - $p<0,05$ при сравнении с ХСН III ФК.

У пациентов ХСН III ФК концентрация NT-proBNP была в 6,1 раз выше в

сравнении с контролем ($p < 0,001$) и на 41,3 % превышала параметры ХСН II ФК ($p = 0,001$). Максимальный уровень натрийуретических пептидов был при ХСН IV ФК, уровень NT-proBNP был значимо выше в 2,3 раза в сравнении с пациентами с ХСН II ФК ($p = 0,002$) и в 1,4 раза в сравнении с пациентами с ХСН III ФК ($p = 0,0035$).

Установлена прямая взаимосвязь уровня NT-proBNP и ИММЛЖ ($r = 0,62$; $p = 0,02$), отрицательная взаимосвязь уровня NT-proBNP и ФВ ЛЖ ($r = -0,57$; $p = 0,011$), обратная зависимость уровня NT-proBNP и показателем дистанции 6 мин. ходьбы ($r = -0,63$; $p = 0,001$) в группе пациентов ХСН III-IV ФК. Установленные ассоциации между уровнем НУП и показателями ремоделирования ЛЖ у пациентов тяжелой ХСН свидетельствуют об информативности и высокой прогностической значимости показателя NT-proBNP при ХСН, являющегося маркером систолической дисфункции ЛЖ и независимым предиктором кардиальной смерти [203]. Как видно из представленных данных, по мере ухудшения течения ХСН и увеличения ФК ХСН в сердце возрастает выработка и высвобождение НУП.

4.2 Динамика уровня ИФР-1 у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные взаимосвязи уровня ИФР-1 с гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК

Установлено, что изменения уровня ИФР-1 в крови пациентов с ХСН ишемического генеза ассоциируются с тяжестью ХСН. У пациентов ХСН II ФК было определено значимое увеличение уровня ИФР-1 в сравнении с контролем (на 22%; $p = 0,025$) (таблица 4). У пациентов с ХСН III ФК уровень ИФР-1 существенно уменьшился в сравнении с пациентами ХСН II ФК (30,3%; $p = 0,003$) и значимо не отличался от уровня ИФР-1 в группе контроля ($p = 0,368$). Уровень ИФР-1 у пациентов ХСН IV ФК был минимальным, его параметры были значимо меньше в сравнении с группой контроля (31,3%; $p = 0,002$), с пациентами

ХСН II ФК (в 1,86 раза; $p=0,018$) и пациентами ХСН III ФК (23,1%; $p=0,026$) (таблица 4).

Таблица 4 - Уровень ИФР-1 у пациентов ХСН II, III, IV ФК и у группы контроля

Параметр Ме [Q25; Q75]	Контроль (n=25)	ХСН II ФК (n=40)	ХСН III ФК (n=42)	ХСН IV ФК (n=38)
ИФР-1, нг/мл	139,2 [131,2;148,5]	178,3 [167,3;188,1]*	124,3 [115,3;136,4]†	95,6 [92,1;104,5]*†‡

Примечание: * - $p<0,05$ при сравнении с контролем; † - $p<0,05$ при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - $p<0,05$ при сравнении с ХСН III ФК.

У пациентов с тяжелой ХСН III и IV ФК низкая концентрация ИФР-1 усиливает фиброзирование и ремоделирование миокарда, стимулирует апоптоз КМЦ [130]. Показано, что дефицит ИФР-1 является маркером снижения анаболических процессов в миокарде и может расцениваться как фактор риска дестабилизации ХСН и различных сердечно-сосудистых осложнений [13]. Дефицит данного профибротического фактора роста в сыворотке крови у пациентов ХСН ишемического генеза связан с гормональными и метаболическими нарушениями, структурными изменениями в миокарде, приводящими к прогрессированию ХСН. У пациентов с ХСН III-IV ФК в нашем исследовании были выявлены обратные корреляции между уровнем ИФР-1 и показателями ремоделирования миокарда: ИММЛЖ ($r=-0,59$; $p<0,001$) и КСОИ ЛЖ ($r=-0,55$; $p=0,034$). Выявленные корреляции между активностью ИФР-1 и ЭхоКГ параметрами указывают на значение ИФР-1 в развитии ремоделирования ЛЖ у пациентов с эксцентрической ГЛЖ. Выявлены прямые корреляции между ИФР-1 и ФВ ЛЖ ($r=0,61$; $p=0,004$). В нашей работе зарегистрировано уменьшение уровня ИФР-1 при прогрессировании ХСН и развитии дезадаптивного ремоделирования ЛЖ. При ХСН III и IV ФК снижение

активности ИФР-1, ведущее к апоптозу КМЦ и интерстициальному фиброзу, по-видимому, ассоциировано с формированием эксцентрического типа ГЛЖ. Полученные результаты подтверждаются результатами другого клинического исследования, в котором продемонстрирован дефицит ИФР-1 у больных с декомпенсированной ХСН [68]. Таким образом, дефицит ИФР-1 является биохимическим маркером развития патологического ремоделирования и прогрессирования ХСН [174].

4.3 Изменение уровня ТФР-β1 у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные взаимосвязи уровня ТФР-β1 с гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК

В нашем исследовании у пациентов ХСН II, III, IV ФК наблюдалась тенденция к увеличению уровня ТФР-β1 с нарастанием ФК ХСН и усилением тяжести ХСН (таблица 5). Уровень ТФР-β1 повышался уже на начальных этапах развития ХСН, так у пациентов ХСН II ФК уровень данного профибротического фактора был на 38 % выше в сравнении с группой контроля ($p=0,003$). Увеличение уровня ТФР-β1 зарегистрировано у пациентов ХСН III ФК, его параметры в 1,7 раза превышали в сравнении с группой контроля ($p=0,001$) и на 26% в сравнении с ХСН II ФК ($p=0,018$). Гиперактивация ТФР-β1 выявлена у пациентов ХСН IV ФК. Уровень ТФР-β1 у пациентов ХСН IV ФК был в 2,3 раза выше в сравнении с группой контроля ($p=0,001$), а также значимо отличался от уровня у пациентов ХСН II и III ФК (на 65,3% ($p=0,001$) и на 31,0% ($p=0,002$)).

Таблица 5 - Уровень ТФР-β1 у пациентов ХСН II, III, IV ФК и у группы контроля

Параметр Me [Q25; Q75]	Контроль (n=25)	ХСН II ФК (n=40)	ХСН III ФК (n=42)	ХСН IV ФК (n=38)

Продолжение таблицы № 5

ТФР-β1, нг/мл	33,8 [26,71;37,9]	46,7 [42,5;51,4]*	58,9 [54,15;65,2]*†	77,2 [71,7;83,62]*†‡
------------------	----------------------	----------------------	------------------------	-------------------------

Примечание: * - $p < 0,05$ при сравнении с контролем; † - $p < 0,05$ при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - $p < 0,05$ при сравнении с ХСН III ФК.

Результаты исследования свидетельствуют о взаимосвязи гиперэкспрессии ТФР-β1 и выраженности процессов фиброобразования и ремоделирования миокарда у пациентов с ХСН. Изучение роли ТФР-β1 в развитии фиброобразования и патологического ремоделирования миокарда ЛЖ имеет важное значение, и во многих работах были доказаны его гипертрофические и профиброгенные свойства. В эксперименте на культуре клеток миокарда была доказана значимая роль в развитии гипертрофии [110]. В частности, ТФР-β1 является одним из главных профибротических факторов, который способствует развитию фиброза миокарда [219]. Имеются сведения о взаимосвязи гиперэкспрессии ТФР-β1 со степенью фиброобразования миокарда [70, 215]. Данные нашего исследования указывают на значительный вклад ТФР-β1 в формирование ремоделирования и фиброобразования миокарда у больных с прогрессирующим течением ХСН.

В ходе работы была проведена оценка данных корреляционного анализа, направленная на установление связей уровня ТФР-β1 с параметрами функционального состояния миокарда: ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ у пациентов с тяжелой ХСН III-IV ФК. Проведенный анализ выявил высокую корреляцию между уровнем ТФР-β1 и гипертрофией миокарда ИММЛЖ ($r=0,56$; $p=0,022$), прямую взаимосвязь между КСОИ ЛЖ ЛЖ и уровнем ТФР-β1 ($r=0,52$; $p=0,034$). В нашем исследовании у мужчин с ХСН III-IV ФК установлены обратные корреляции уровня ТФР-β1 с ФВ ЛЖ ($r=-0,48$; $p=0,012$). Выявленные корреляции объясняются интенсивными гемодинамическими сдвигами и выраженным фиброзом миокарда у пациентов с тяжелой ХСН. Результаты нашей работы показывают влияние ТФР-β1 на ремоделирование миокарда ЛЖ у

пациентов ХСН ишемического генеза в результате избыточного фиброза. Максимальные уровни ТФР- β 1 определены при развитии эксцентрических типов ремоделирования миокарда ЛЖ у мужчин с ХСН III-IV ФК, то есть данный ростовой фактор реализует свой профибротический эффект при более выраженных гемодинамических сдвигах. При формировании эксцентрической ГЛЖ при ХСН III-IV ФК отмечаются более значимые нарушения, характеризующиеся усиленным накоплением коллагена, развитием фиброзирования миокарда [219].

4.4 Динамика уровня альдостерона у пациентов ХСН II-IV ФК ишемического генеза и корреляционные зависимости уровня альдостерона со структурно-гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) у пациентов ХСН III-IV ФК

У пациентов ХСН уровень альдостерона в сыворотке крови увеличивался по мере прогрессирования заболевания [87]. В нашей работе у большинства пациентов с ХСН II, III, IV ФК установлен повышенный уровень альдостерона. В группе пациентов с ХСН II ФК уровень альдостерона был значимо выше уровня альдостерона контрольной группы (на 30,3 %; $p=0,021$) (таблица 6). Выявленные изменения указывают на повышенную активность симпатической нервной системы и РААС уже на начальных этапах развития ХСН. Более значимое увеличение уровня альдостерона было выявлено у пациентов с ХСН III ФК, уровень которого в 1,9 раз превышал уровень альдостерона в контрольной группе ($p=0,012$) и в 1,4 раза в сравнении с ХСН II ФК ($p=0,09$). Гиперэкспрессия альдостерона была выявлена у пациентов с ХСН IV ФК, где уровень альдостерона значимо отличался от уровня альдостерона группы контроля (в 2,7 раза; $p=0,001$), в 2 раза превышал уровень альдостерона у пациентов с ХСН II ФК ($p=0,001$), и в 1,4 раза от группы пациентов с ХСН III ФК ($p=0,002$) (таблица 6).

Таблица 6 - Уровень альдостерона у пациентов ХСН II,III,IV ФК и у группы контроля

Параметр Ме [Q25; Q75]	Контроль (n=25)	ХСН II ФК (n=40)	ХСН III ФК (n=42)	ХСН IV ФК (n=38)
Альдостерон, пг/мл	132,46 [93,7;141,5]	178,5 [162,6;196,1] *	256,3 [229,4;281,3] *†	354,4 [320,7;387,4]*†‡

Примечание: * - $p < 0,05$ при сравнении с контролем; † - $p < 0,05$ при сравнении с ХСН II ФК; ‡ - $p < 0,05$ при сравнении с ХСН III ФК.

Результаты нашей работы показывают взаимосвязь уровня альдостерона и ФК ХСН. Нами были выявлены прямые корреляции у пациентов ХСН III-IV ФК между ЭхоКГ параметрами и уровнем альдостерона: ИММЛЖ ($r=0,48$; $p=0,0013$) и КСОИ ЛЖ ($r=0,45$; $p < 0,01$). Установлена значимая отрицательная зависимость ФВ ЛЖ от уровня альдостерона ($r=-0,50$; $p=0,022$). Полученные данные согласуются с исследованиями, в которых было показано, что альдостерон может способствовать усилению процессов фиброза в миокарде и апоптоза КМЦ [181].

Установленные взаимосвязи между уровнем альдостерона и параметрами ремоделирования миокарда ЛЖ свидетельствуют о роли альдостерона в прогрессировании процессов ишемического ремоделирования ЛЖ у пациентов с ХСН, которые ассоциируются с избыточным накоплением коллагена и повышением жесткости миокарда: альдостерон активирует хемотаксис макрофагов и фибробластов, усиливает пролиферацию компонентов внеклеточного матрикса и переход фибробластов в миофибробласты.

4.5 Корреляционные взаимосвязи уровней профиброгенных факторов роста ИФР-1 и ТФР-β1 с концентрацией натрийуретических пептидов у пациентов ХСН III-IV ФК

В нашем исследовании установлены обратные взаимосвязи между уровнем ИФР-1 и уровнем NT-proBNP у пациентов с тяжелой ХСН III-IV ФК ($r=-0,51$; $p=0,001$), что согласуется с данными ряда других авторов [68, 127]. У пациентов ХСН III-IV ФК нами были установлены значимые прямые корреляции между уровнем ТФР-β1 и NT-proBNP ($r=0,44$; $p=0,002$).

Выявленные корреляции у пациентов с прогрессирующим течением ХСН III-IV ФК, по-видимому, позволяют использовать показатели ИФР-1, ТФР-β1 и NT-proBNP в качестве дополнительных диагностических тестов оценки миокардиальной дисфункции при ХСН.

Следовательно, у больных ХСН ишемического генеза наблюдаются изменения уровней профибротических факторов роста (ИФР-1, ТФР-β1, альдостерона), которые способствуют прогрессированию течения ХСН. При корреляционном анализе, проведенном у пациентов с ХСН III-IV ФК, выявлены тесные корреляции между показателями профибротических факторов роста (ИФР-1, ТФР-β1, альдостерона) и гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ). Полученные данные свидетельствуют об интенсификации процессов фиброзирования миокарда при прогрессирующем течении ХСН и результаты корреляционного анализа свидетельствуют о возможности дестабилизирующего воздействия профибротических факторов на геометрию ЛЖ, негативные эффекты которых могут изменить клиническое течение ХСН.

ГЛАВА 5 ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА ИФР-1 И ГИПЕРЭКСПРЕССИИ ПРОФИБРОГЕННЫХ ФАКТОРОВ РОСТА ТФР- β 1, АЛЬДОСТЕРОНА НА РЕМОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЖ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЮ ТЕЧЕНИЯ ХСН

5.1 Влияние дефицита ИФР-1 на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК

При оценке уровня ИФР-1 у пациентов ХСН в зависимости от параметров ремоделирования ЛЖ было отмечено, что при концентрическом ремоделировании ЛЖ зарегистрирована гиперэкспрессия ИФР-1 в сравнении с нормальной геометрией ЛЖ (32,9 %; $p=0,005$) (таблица 7). Изучение уровня ИФР-1 у лиц с концентрической ГЛЖ выявило значимое уменьшение концентрации данного ростового фактора в сравнении с концентрическим ремоделированием ЛЖ (29,3 %; $p=0,004$), уровень ИФР-1 в группе этих пациентов был сопоставим с параметрами ИФР-1 в группе с неизменной геометрией ЛЖ ($p=0,193$). У пациентов с эксцентрической ГЛЖ выявлен минимальный уровень ИФР-1, в сравнении с лицами с нормальной геометрией ЛЖ, с концентрической ГЛЖ и с концентрическим ремоделированием ЛЖ (28,5% ($p=0,004$); 46,2% ($p=0,002$); 32,6% ($p=0,002$) соответственно). Динамика уровня этого ростового фактора у пациентов ХСН отражают особенности структурно-функциональной перестройки миокарда ЛЖ. Данные анализа указывают на то, что концентрическое ремоделирование ЛЖ взаимосвязано с повышенной выработкой ИФР-1. Формирование эксцентрического типа ГЛЖ сопряжено с дефицитом ИФР-1, наименьший уровень ИФР-1 выявлен у пациентов ХСН с эксцентрическим типом ГЛЖ.

Таблица 7 - Изменения уровня ИФР-1 у пациентов ХСН ишемического генеза в зависимости от типа геометрии ЛЖ

Параметр Ме [Q25;Q75]	Нормальная геометрия ЛЖ (n=22)	Концентрическое ремоделирование ЛЖ (n=14)	Концентрическая ГЛЖ (n=43)	Эксцентрическая ГЛЖ (n=66)
ИФР-1, нг/мл	148,75 [130,48;163,91]	197,8 [179,6;216,3]*	139,83 [128,21;150,4]†	110,4 [98,2;122,6]*†‡

Примечание: * - $p < 0,05$ при сравнении с нормальной геометрией; † - $p < 0,05$ при сравнении с концентрическим ремоделированием ; ‡ - $p < 0,05$ при сравнении с концентрической ГЛЖ.

5.2 Влияние гиперэкспрессии ТФР-β1 на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК

В группе пациентов ХСН с концентрическим ремоделированием ЛЖ была выявлена гиперпродукция ТФР-β1 в сравнении с группой с нормальной геометрией ЛЖ (37,0%; $p=0,026$) (таблица 8). При концентрической ГЛЖ уровень ТФР-β1 был в 1,7 раз выше в сравнении с неизменной геометрией ЛЖ ($p=0,018$) и значимо превышал уровень ТФР-β1 у лиц с концентрическим ремоделированием ЛЖ (26,9%; $p=0,032$). При эксцентрической ГЛЖ была выявлена гиперпродукция ТФР-β1: в группе этих пациентов уровень этого профибротического фактора более чем в 2 раза превышал показатели лиц с неизменной геометрией ЛЖ ($p=0,001$) и в 1,5 раза превосходил данные группы лиц с концентрическим ремоделированием ЛЖ ($p=0,001$) и на 20 % данные группы лиц с концентрической ГЛЖ ($p=0,006$). Повышенный уровень ТФР-β1 у пациентов ХСН может свидетельствовать о роли данного ростового фактора в развитии ГЛЖ и в формировании фиброза миокарда ЛЖ. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что при развитии эксцентрического типа ремоделирования миокарда ЛЖ происходит повышенная выработка ТФР-

$\beta 1$, следовательно, данный ростовой фактор оказывает свое профибротическое действие на этапе выраженных изменений параметров ремоделирования ЛЖ и декомпенсации ХСН. При тяжелом течении ХСН развиваются выраженные изменения в составе внеклеточного матрикса за счет преобладания синтеза коллагена [139].

Таблица 8 - Изменения уровня ТФР- $\beta 1$ у пациентов ХСН ишемического генеза в зависимости от типа ремоделирования ЛЖ

Параметр Ме [Q25;Q75]	Нормальная геометрия ЛЖ (n=22)	Концентрическое ремоделирование ЛЖ (n=14)	Концентрическая ГЛЖ (n=43)	Эксцентрическая ГЛЖ (n=66)
ТФР- $\beta 1$, нг/мл	42,25 [36,1;49,8]	57,9 [53,4; 63,1] *	73,5 [67,1;82,6]*†	94,2 [85,2;102,03]*†‡

Примечание: * - $p < 0,05$ при сравнении с нормальной геометрией; † - $p < 0,05$ при сравнении с концентрическим ремоделированием ; ‡ - $p < 0,05$ при сравнении с концентрической ГЛЖ.

5.3 Влияние гиперэкспрессии альдостерона на ремоделирование ЛЖ у пациентов ХСН II-IV ФК

У лиц с концентрическим ремоделированием ЛЖ уровень альдостерона значительно повышался в сравнении с нормальной геометрией ЛЖ (24,9%; $p=0,037$) (таблица 9). В сравнении с нормальной геометрией уровень альдостерона при концентрической ГЛЖ был выше на 73,8% ($p=0,001$) и на 39,2% превосходил параметры при концентрическим ремоделировании ЛЖ ($p=0,003$).

Таблица 9 - Изменения уровня альдостерона у пациентов ХСН ишемического генеза в зависимости от типа ремоделирования ЛЖ

Параметр Ме [Q25;Q75]	Нормальная геометрия ЛЖ(n=22)	Концентрическое ремоделирование ЛЖ (n=14)	Концентрическая ГЛЖ (n=43)	Эксцентрическая ГЛЖ (n=66)
альдостерон пг/мл	151,9 [135,6;169,1]	198,17 [173,2;221,3] *	258,5 [235,2;286,3]*†	327,9 [301,4;350,7]*†‡

Примечание: * - $p < 0,05$ при сравнении с нормальной геометрией; † - $p < 0,05$ при сравнении с концентрическим ремоделированием ; ‡ - $p < 0,05$ при сравнении с концентрической ГЛЖ.

У пациентов с эксцентрическим типом ремоделирования ЛЖ установлена гиперпродукция альдостерона, его уровень в 2,2 и более раза был выше уровня альдостерона у лиц с нормальной геометрией ЛЖ ($p=0,001$). Увеличение уровня альдостерона при эксцентрическом типе ремоделирования ЛЖ определено в сравнении с концентрическим ремоделированием ЛЖ (на 23,6%, $p=0,003$) и концентрической ГЛЖ (на 26,6 %; $p=0,003$).

Таким образом, развитие дезадаптивной эксцентрической ГЛЖ у пациентов с ХСН ишемического генеза связано с гиперактивацией альдостерона. Результаты нашего исследования свидетельствуют о связи параметров ремоделирования миокарда ЛЖ и уровня альдостерона, что свидетельствует о роли гиперэкспрессии альдостерона в дестабилизации ХСН, которая ассоциируется с миокардиальным фиброзом. Гиперпродукция альдостерона усиливает коллагенообразование и фиброз миокарда ЛЖ и является одним из основных механизмов развития ремоделирования миокарда ЛЖ при прогрессировании ХСН.

В нашем исследовании были выявлены определенные взаимосвязи между выраженностью процессов ремоделирования миокарда ЛЖ при ХСН и экспрессией профибротических факторов роста, которые влияют на структуру и функцию

миокарда и интерстициального пространства, интенсифицируют процессы фиброза и прогрессирование патологического ремоделирования при ХСН.

ГЛАВА 6 ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

После перенесенного ИМ происходят процессы истончения и растяжения стенки ЛЖ, дилатация и сферификация ЛЖ. В течение первого года после ИМ нормальная геометрия ЛЖ сохраняется лишь у 18% пациентов, в то время как концентрическая ГЛЖ возникает у 56,4% и эксцентрическая ГЛЖ у 58,1% больных [49]. В проведенных клинических исследованиях было выявлено, что КСО ЛЖ является независимым фактором риска ССО [134]. Увеличение КСО ЛЖ до 39 мл/м² является предиктором увеличения смертности от сердечно-сосудистых событий [189]. Volognese и соавт. отметили, что среди пациентов, у которых выявили ремоделирование миокарда ЛЖ, наблюдалась большая частота развития осложнений, СН и летальности [4].

По результатам проведенного исследования нами было выявлено, что постинфарктная дилатация и развитие систолической дисфункции ЛЖ были наиболее выраженными у пациентов ХСН III-IV ФК. Дилатация полости ЛЖ с увеличением объема ЛЖ, ИММЛЖ, ИС, МС чаще регистрируется у пациентов с тяжелой ХСН высоких ФК. В нашем исследовании у пациентов ХСН III-IV ФК определены высокие значения ИММЛЖ при минимальной толщине его стенок и максимальная сферификация ЛЖ, что доказывает развитие декомпенсированного ремоделирования ЛЖ на фоне увеличения пред- и постнагрузки. Таким образом, формирование эксцентрических типов ремоделирования миокарда при прогрессирующем течении ХСН происходит за счет увеличения объема ЛЖ с выраженной шарообразной деформацией ЛЖ. Данные нашего исследования согласуются с результатами некоторых работ, в которых показано, что развитие процессов ремоделирования ЛЖ после ИМ является фактором неблагоприятного прогноза [201].

В нашей работе у мужчин с ХСН IV ФК, были зарегистрированы выраженные процессы структурно-функциональной перестройки ЛЖ, характеризующиеся дилатацией ЛЖ с достижением максимальных величин КСОИ ЛЖ. Многочисленные исследователи отмечали, что у 30% пациентов с

перенесенным ИМ, у которых успешно была проведена реперфузионная терапия с выполнением чрескожного коронарного вмешательства, через 6 месяцев развивалась значимая дилатация ЛЖ [197]. В других исследованиях была показана сильная корреляционная связь между выраженностью дилатации ЛЖ после ИМ и частотой внезапной смерти [177]. Постинфарктное ремоделирование ЛЖ и в условиях реперфузионной терапии остается клинически значимым, поскольку объективно отражает степень дилатации и выраженность дисфункции ЛЖ при ХСН, являясь независимым предиктором развития кардиальных событий и внезапной смерти.

В литературе имеются сведения, что апоптоз КМЦ является одним из звеньев ремоделирования ЛЖ, при этом степень апоптоза определяет тип структурно-функциональной перестройки миокарда и темп прогрессирования ХСН [53]. В настоящее время имеются доказательства, что апоптоз КМЦ способствует гибели клеток при ИМ, при этом степень апоптоза коррелирует с выраженностью процессов ремоделирования миокарда и сопряжена с формированием неблагоприятной эксцентрической ГЛЖ [222]. В проведенном нами исследовании выявлено, что у пациентов с ХСН ишемического генеза чаще встречается эксцентрическая ГЛЖ.

У большинства мужчин с ХСН II ФК преобладающим типом геометрии ЛЖ был концентрический тип ремоделирования ЛЖ. Преобладание в группе пациентов с ХСН II ФК данного типа геометрии ЛЖ может быть связано адаптивной гипертрофией стенки ЛЖ для уменьшения МС. У большинства мужчин с ХСН III ФК был определен концентрический тип гипертрофии ЛЖ. Данные Фремингемского исследования показали, что концентрическая гипертрофия ЛЖ характеризуется худшим прогнозом по сравнению с концентрическим ремоделированием ЛЖ и нормальной геометрией ЛЖ [52]. При ХСН ФК IV с тяжелым течением наблюдается прогрессирование структурно-функциональной перестройки миокарда с развитием эксцентрической ГЛЖ, что свидетельствует о формировании декомпенсированной формы ремоделирования ЛЖ [21]. Приобретение сердцем

шарообразной формы является маркером прогрессирования ХСН. По-видимому, эксцентрическая ГЛЖ не способна подавлять чрезмерную нагрузку на стенки ЛЖ, приводя к увеличению МС. Наши данные по оценке типов ремоделирования у исследуемых ХСН соответствуют исследованиям других авторов [34].

Исходя из данных литературы об апоптозе КМЦ при ИМ применительно к нашему исследованию, в котором наблюдались пациенты ХСН с выраженной дилатацией и тяжелой дисфункцией ЛЖ, можно предположить, что у этих лиц после перенесенного Q-ИМ вследствие некроза и апоптоза КМЦ с последующей их утратой развивается заместительный миокардиальный фиброз [9, 63]. Эти представления согласуются с результатами иммуногистохимического исследования, в котором на аутопсийном материале, выполненном у больных, умерших от Q-ИМ, в миокарде были обнаружены явления миокардиального фиброза на фоне развивающихся фиброзирующих процессов внеклеточного матрикса [36]. В перинфарктной зоне миокарда у умерших была выявлена повышенная экспрессия профибротических факторов (ТФР- β 1, матриксная металлопротеиназа - 2 и матриксная металлопротеиназа-9), свидетельствующая об интенсификации процессов фиброзирования и ремоделирования миокарда после перенесенного Q-ИМ. Изменения гемодинамики активируют симпатoadреналовую нервную систему, РААС, выработку профиброгенных факторов роста (таких как ТФР- β 1, ИФР-1, альдостерон), стимулируют продукцию НУП [46].

Одним из основных физиологических регуляторов роста и сократимости сердца, синтетических процессов в миокарде, мышцах и соединительной ткани является ИФР-1 [12, 112]. ИФР-1, являясь регулятором структуры и функции миокарда, принимает участие в развитии многих ССЗ. Данные различных авторов, изучающих влияние ИФР-1 на процессы структурно-функциональной перестройки миокарда ЛЖ и течение различных ССЗ, неоднозначны. В исследовании Ковалевой О.В. было показано, что дефицит ИФР-1 сопряжен с прогностическим риском развития ИБС, в том числе летальность от кардиоваскулярных событий [70]. У пациентов с наличием ИБС на фоне

повышенного ИМТ по мере повышения активности ИФР-1 изменяется тип геометрии ЛЖ: снижается число лиц с нормальной геометрией сердца на фоне повышения количества пациентов с концентрическим ремоделированием ЛЖ [13]. При этом эксцентрическая ГЛЖ выявлена только у пациентов с ИБС при повышенном уровне ИФР-1. Большой интерес представляют результаты исследований, в которых наблюдались пациенты с АГ в сочетании с СД. Были выявлены ассоциации между содержанием ИФР-1 и типом геометрии ЛЖ: у пациентов с дефицитом ИФР-1 чаще встречался эксцентрический тип ГЛЖ [23, 34]. В другом исследовании было выявлено, что у женщин при АГ в сочетании с метаболическим синдромом и абдоминальным ожирением изменения уровня ИФР-1 ассоциированы с изменением параметров внутрисердечной гемодинамики. При ожирении высокой степени наблюдается дефицит ростового фактора ИФР-1 и формирование дезадаптивных типов геометрии ЛЖ [26]. Единичны работы, изучающие процессы ремоделирования миокарда при ХСН с ассоциацией уровня ИФР-1 [68]. Большой интерес представляет работа, где указано, что одной из важных причин прогрессирования ХСН является дефицит ГР и ИФР-1 [83]. Исследователями показано, что ИФР-1 усиливает инотропную функцию миокарда, увеличивает МС, уменьшает апоптоз КМЦ и стимулирует ГЛЖ [235]. В то же время уменьшение активности ИФР-1, на фоне которого формируется ХСН, нивелирует эти позитивные гемодинамические эффекты. Доказано, что миокард и эндотелий экспрессируют рецепторы для ИФР-1, что позволяет предположить прямое его воздействие на ССС и патологическое ремоделирование миокарда у пациентов ХСН [58, 59, 60]. В нашем исследовании при оценке уровня ИФР-1 у пациентов ХСН II ФК было выявлено, что у большинства обследованных (60%) зарегистрировано концентрическое ремоделирование ЛЖ на фоне увеличения активности ИФР-1 в сравнении с контролем. Результаты нашего исследования сопоставимы с данными работы [32], в которой показано, что увеличение активности ИФР-1 стимулирует нарастание мышечной массы ЛЖ и повышение его инотропной функции, формирование концентрического ремоделирования ЛЖ. В некоторых

исследованиях выявлено, что гиперэкспрессия ИФР-1 на начальных этапах структурно-функциональной перестройки миокарда ЛЖ взаимосвязана с повышением сократительной функции миокарда и ассоциируется со снижением риска развития декомпенсированной ХСН у пожилых пациентов [174]. У мужчин с ХСН III ФК значения ИФР-1 значительно снизились в сравнении с таковыми у пациентов с ХСН II ФК и были сопоставимы с параметрами группы контроля, что сопоставимо с данными клинического исследования пациентов с прогрессирующей ХСН [23], в котором выявлены низко-нормальные значения ИФР-1. При оценке показателей гемодинамики и типов ремоделирования миокарда у пациентов ХСН III ФК выявлены патологические типы ремоделирования: концентрическая ГЛЖ (54,8%) и эксцентрическая ГЛЖ (35,7%). Низко-нормальные значения ИФР-1 при ХСН ассоциируются с высоким риском развития ИМ, острой недостаточности мозгового кровообращения, развития атеросклероза коронарных и сонных артерий [219]. У пациентов с ХСН IV ФК было определено значимое снижение уровня ИФР-1, и его значения были значительно ниже в сравнении с группой контроля и с пациентами ХСН II и III ФК ($p < 0,05$). Минимальные величины ИФР-1 у пациентов с ХСН IV ФК развиваются на фоне дилатации и выраженных нарушений ФВ ЛЖ. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что изменения активности этого ростового фактора у пациентов ХСН ишемического генеза взаимосвязаны с тяжестью течения и ФК ХСН и отражают особенности структурно-геометрической перестройки миокарда ЛЖ.

По мере нарастания степени тяжести ХСН на фоне снижения активности ИФР-1 происходит ремоделирование миокарда: изменяются ЭхоКГ параметры и типы геометрии ЛЖ, а при ХСН IV ФК формируется эксцентрический тип ГЛЖ и дилатация ЛЖ с прогностически неблагоприятным типом ремоделирования. Выраженный дефицит ИФР-1 у больных с дестабилизацией течения ХСН III-IV ФК, а также наличие ассоциаций уровня ИФР-1 и параметрами ремоделирования ЛЖ указывают на роль ИФР-1 в процессах ремоделирования миокарда ЛЖ. По мере прогрессирования тяжести течения и увеличения ФК ХСН увеличивается

дефицит ИФР-1 и изменяются ЭхоКГ параметры ЛЖ и типы ремоделирования миокарда, при этом происходит переход от концентрического адаптивного типа ремоделирования ЛЖ к патологическому типу ремоделирования ЛЖ - эксцентрической ГЛЖ. Дестабилизация течения ХСН и формирование эксцентрической ГЛЖ ассоциируется также со снижением синтеза ИФР-1 и активацией процессов апоптоза КМЦ и фиброзированием миокарда. В научной литературе имеются данные, что ИФР-1 может оказывать существенное воздействие на функцию эндотелиальных клеток и прямо стимулирует выделение оксида азота в культуре эндотелиоцитов человека [10]. Дефицит ИФР-1 ухудшает зависимую от оксида азота вазодилатацию, повышая ССЗ и смертность [39]. Имеются работы, в которых при лечении ГР наблюдалось восстановление вазодилатирующей и сосудосуживающих функций эндотелия. Влияние ГР на тонус сосудов зависит от ЭТ-1 и эндотелиальной синтазы оксида азота [152]. Известно, что ИФР-1 уменьшает индуцированную ЭТ-1 вазоконстрикцию, воздействуя на его рецепторы в гладкомышечных клетках [39]. Установлено, что ЭТ-1 инициирует ГЛЖ, а при экспериментальном ИМ блокада ЭТ-1 рецепторов предупреждает процессы ремоделирования сердца и развитие ХСН. Значимый интерес представляют результаты исследования [86, 161], в котором продемонстрировано, что заместительная терапия ГР у больных с системным его дефицитом не только повышает уровень ИФР-1, но и восстанавливает вазодилатирующую функцию эндотелия, а также устраняет вазоконстрикторные эффекты, улучшает систолическую функцию миокарда, что сопровождается существенным снижением активности мозгового НУП.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи эффектов ГР и ИФР-1 с изменениями вазодилатирующей и вазоконстрикторной функций эндотелия, что позволяет предположить возможность их совместного участия в процессах структурно-функциональной перестройки миокарда и прогрессирования ХСН. Следовательно, гиперэкспрессия оксида азота и повышенный выброс ЭТ-1 опосредованно под влиянием дефицита ИФР-1 может отрицательно влиять на процессы фиброзирования и ремоделирования миокарда,

потенцируя развитие прогностически неблагоприятных типов ремоделирования и прогрессирование ХСН. С другой стороны, дисфункция эндотелия, развивающаяся уже исходно, может усиливать дефицит ИФР-1 и активировать процессы ремоделирования миокарда, способствуя дестабилизации течения ХСН. Таким образом, при сохранении длительного и глубокого дефицита ИФР-1, по-видимому, создаются благоприятные условия для реализации всех их негативных эффектов, таких как ГЛЖ и апоптоз кардиомиоцитов, рост числа кардиальных фибробластов, способствующих активации дальнейших процессов фиброобразования и ремоделирования миокарда, что представляется структурной основой для развития ХСН [32]. Важное значение в нашем исследовании имеет определение у пациентов ХСН выраженных обратных корреляций между уровнем ИФР-1 и NT-pro BNP. В проведенном исследовании была выявлена обратная корреляция между уровнем ИФР-1 и уровнем NT-proBNP у пациентов с тяжелой ХСН III-IV ФК ($r = -0,51$; $p = 0,001$). Установленные взаимосвязи могут свидетельствовать об общем патогенезе НУП и ИФР-1 при прогрессировании ХСН. Результаты исследования согласуются с данными работы [16], в которой обнаружена взаимосвязь ГР и NT-proBNP на разных этапах ХСН. Таким образом, выраженность ремоделирования миокарда при ХСН и фиброза миокарда у пациентов с декомпенсацией ХСН ассоциируется с выраженным дефицитом ИФР-1 и с высоким уровнем активности НУП.

Известно, что миокард обладает и эндокринной функцией, способен местно продуцировать НУП, АТ II, альдостерон, ИФР-1, ТФР- β 1. При аутопсии КМЦ пациентов после острого ИМ было обнаружено в 4 раза более высокое содержание ренина, ангиотензиногена, АПФ и АТ I и II, чем в здоровых КМЦ [51]. АТ II способствует апоптозу клеток, вызывая вазоконстрикцию в зоне ишемии, а также вызывает пролиферацию фибробластов посредством активации ТФР- β 1. В нашем исследовании у всех пациентов ХСН определено повышенное содержание данного ростового фактора. При этом выраженность гиперэкспрессии ТФР- β 1 у этих лиц была взаимосвязана с ФК ХСН и интенсивностью ремоделирования миокарда, а также выявлено, что ухудшение

течения ХСН связано с гиперпродукцией ТФР-β1 – главного профиброгенного фактора и фактора воспаления. В группе пациентов с ХСН IV ФК зарегистрированы максимальные уровни ТФР-β1, значимо превышающие показатели у пациентов с более стабильным течением ХСН. Следовательно, прогрессирование ХСН ассоциируется с активацией иммуновоспалительных реакций и характеризуется усилением профиброгенных процессов, определяющих выраженность процессов ремоделирования и фиброзирования миокарда, которые регистрируются при декомпенсации ХСН.

Данные нашей работы согласуются с результатами других исследований, направленных на изучение проблемы ХСН, в которых определена гиперпродукция ТФР-β1 у пациентов ХСН разной этиологии [70, 227]. Наше исследование согласуется с данными многолетнего проспективного наблюдения за пациентами ХСН, в котором выявлены ассоциации гиперпродукции ТФР-β1 с прогрессированием ХСН и возникновением кардиальных событий [138]. Также имеются ряд других исследований, в которых показано ингибирование активности ТФР-β1 у пациентов ХСН после перенесенного ИМ [60]. Противовоспалительная роль ТФР-β1 на ранних стадиях ХСН, направленная на угнетение активности провоспалительных процессов, в настоящее время представляется актуальной [53]. По мере прогрессирования течения ХСН противовоспалительное действие данного ростового фактора уменьшается, а провоспалительные эффекты активируются: на этой стадии развития ХСН выраженность его действия становится негативной и проявляется увеличенным «перепроизводством» ТФР-β1.

В результате повышенного выброса провоспалительных цитокинов [103] и профиброгенных ростовых факторов (тромбоцитарный фактор роста, фактор роста фибробластов, ТФР-β1) увеличивается содержание фибробластов и миофибробластов в интерстициальном пространстве с активацией синтеза коллагена и прогрессированием миокардиального фиброза.

Нарушение баланса между противовоспалительными и провоспалительными медиаторами может быть пусковым стимулом для

развития иммуновоспалительных реакций с исходом в фиброз миокарда [186]. В нашем исследовании у пациентов с ХСН III-IV ФК были продемонстрированы тесные корреляции между содержанием ТФР- β 1 и интенсивностью процессов ремоделирования миокарда ЛЖ. Наши данные согласуются с данными работы, в которой у больных с пролапсом митрального клапана установлены обратные взаимосвязи концентрации ТФР- β 1 с гемодинамическими параметрами (УО ЛЖ, ФВ ЛЖ) [66]. При сравнительном анализе в нашем исследовании было выявлено, что у мужчин с концентрическим ремоделированием ЛЖ содержание ТФР- β 1 повышено незначительно, при этом типе ремоделирования миокарда ЛЖ нет выраженных изменений в строении миокарда ЛЖ и экстрацеллюлярного матрикса. Гиперпродукция данного ростового фактора выявлена в группе мужчин с эксцентрической ГЛЖ. Возможно, при данном типе ремоделирования происходят выраженные изменения в структуре миокарда. Особое значение в нашем исследовании имеет определение у пациентов ХСН III-IV ФК тесных взаимосвязей между уровнем ТФР- β 1 и величиной NT- proBNP ($r=0,44$; $p=0,002$). Данные взаимосвязи доказывают важную роль этих факторов в формировании различных типов ремоделирования и фиброзировании миокарда при ухудшении течения заболевания. Выраженность изменений геометрии ЛЖ ассоциируется с гиперактивацией ТФР- β 1 и активностью НУП. Обсуждая механизмы реализации профиброгенных эффектов ТФР- β 1, важно указать, что гиперэкспрессия ТФР- β 1 стимулирует фиброзирование и процессы ремоделирования миокарда. ТФР- β 1 аккумулирует внеклеточный матрикс и стимулирует фибробласты. Фибробласты усиленно синтезируют коллаген I и III типа [2]. ТФР- β 1 также инициирует переход фибробластов в миофибробласты, которые способны синтезировать все типы коллагена, гликопротеидов и матриксмодифицирующих белков. Кроме того, ТФР- β 1 подавляет экспрессию матриксных металлопротеиназ – ферментов, способствующих деградации коллагена в интерстициальном пространстве, поэтому коллагеногенез преобладает над распадом [212]. Следовательно, активация синтеза ТФР- β 1, потенцируя процессы коллагенообразования и фиброирования миокарда,

является одним из главных процессов, участвующих в прогрессировании ремоделирования при ХСН. В эксперименте [122] у крыс с повышенным уровнем ТФР-β1 выявлен более выраженный фиброз миокарда в сравнении с животными без гена ТФР-β1, у которых фиброз не развивался [71]. Важное значение в прогрессировании течения ХСН имеет ТФР-β1 за счет влияния на активацию фибробластов и миофибробластов, накопление и деградацию коллагена, гипертрофию и апоптоз КМЦ.

Проведенные клинические исследования продемонстрировали, что гиперактивация минералокортикоидных рецепторов играет ключевую роль в патогенезе ремоделирования сердца у пациентов с ХСН [181]. Комплекс взаимоотношений между альдостероном, предсердным НУП, ЭТ-1 регулирует синтез коллагена [56]. Гиперэкспрессия альдостерона в плазме наблюдается уже на начальных этапах течения ХСН и является фактором риска возникновения ССО у пациентов с ХСН различных ФК [181]. Установлено, что у пациентов ХСН независимо от ФК уровень альдостерона был достаточно высоким и значимо превышал данные контроля. У мужчин со II ФК ХСН альдостерон был в 1,3 раза выше показателей здоровых мужчин, у пациентов с ХСН III и IV ФК уровень альдостерона был в 1,9 и 2,7 раз выше, чем в группе контроля ($p < 0.05$). Вторичный гиперальдостеронизм у пациентов с тяжелой ХСН связан с активацией синтеза альдостерона надпочечниками вследствие снижения почечного кровотока, вследствие систолической дисфункции и нарушения обмена веществ в печени. При проведенном анализе в нашей работе выявлена закономерность увеличения содержания альдостерона по мере прогрессирования заболевания и интенсивности структурно-функциональной перестройки миокарда.

В группе пациентов с ХСН III-IV ФК установлены тесные корреляции между уровнем альдостерона и Эхо-КГ параметрами ЛЖ. Данные, полученные в нашем исследовании, свидетельствуют о тесных взаимоотношениях между ремоделированием миокарда ЛЖ и уровнем альдостерона, и согласуются с данными другой работы, в которой у пациентов с ХСН определены прямые

взаимосвязи между содержанием альдостерона в сыворотке крови и гемодинамическими сдвигами [33]. При развитии ХСН происходит гиперэкспрессия альдостерона в крови пациентов [91], нарушается нормальная работа рецепторов к альдостерону в миокарде, в макрофагах и фибробластах [166]. В результате гиперактивации фибробластов усиливается продукция и аккумуляция коллагена III типа, что приводит к снижению эластичности миокарда. В результате развивается периваскулярный и интерстициальный фиброз, уменьшается реактивность венечных сосудов, коронарный кровоток, происходит гибель части клеток миокарда, еще более усугубляя фиброз [7, 75]. В дальнейшем развивается систолическая и диастолическая дисфункция ЛЖ, усугубляя процессы ремоделирования ЛЖ [56]. При повышенном синтезе компонентов структуры внеклеточного матрикса миофибриллы отдаляются друг от друга и от сосудов, снижается кровоснабжение КМЦ, стимулируется апоптоз.

Альдостерон и его минералкортикоидные рецепторы стимулируют проникновение воспалительных цитокинов в клетки миокарда и сосудов. Вследствие этих процессов инициируются репаративные процессы и формируется репаративный фиброз миокарда. Повышенное содержание альдостерона приводит к увеличению содержания рецепторов к АТ II [188] и к ЭТ-1 [3], что является дополнительным триггером коллагенообразования при ХСН. Нами продемонстрировано, что формирование эксцентрической ГЛЖ и ухудшение течения ХСН взаимосвязано с гиперпродукцией альдостерона. При концентрическом типе ремоделирования миокарда наблюдается повышение уровня альдостерона, содержание которого значимо увеличилось при переходе к концентрической ГЛЖ. Максимальный уровень альдостерона был зарегистрирован у пациентов с эксцентрической ГЛЖ.

Выраженность гемодинамических сдвигов и интенсивность фиброза миокарда у пациентов с дестабилизацией ХСН взаимосвязана с содержанием альдостерона. Указанные нами корреляции между гиперпродукцией альдостерона и параметрами ремоделирования миокарда ЛЖ, отражающими

тяжесть течения ХСН, позволяют рассмотреть повышенное содержание этого минералкортикоида как один из показателей оценки тяжести течения и дестабилизации ХСН. Гиперэкспрессия альдостерона может быть рассмотрена как прогностический фактор выживаемости пациентов после перенесенного ИМ. У пациентов с высоким (≥ 141 пг/мл) содержанием альдостерона в плазме риск летальности в течение нескольких лет после перенесенного ИМ в 2 раза выше, чем с низким ($< 83,2$ пг/мл) уровнем [181] данного минералкортикоида.

У пациентов с ХСН ишемического генеза определение ассоциаций профиброгенных факторов ИФР-1, ТФР- β 1, и альдостерона с эхокардиографическими параметрами ЛЖ имеет важное значение в раскрытии патогенеза дестабилизации течения ХСН в постинфарктном периоде.

Наиболее значимые взаимоотношения между содержанием профибротических факторов и типами ремоделирования миокарда ЛЖ продемонстрированы у пациентов с тяжелой ХСН III-IV ФК. Выраженные изменения геометрии ЛЖ и содержания ИФР-1 и ТФР- β 1, сопряженные с уровнем NT-proBNP зарегистрированы у пациентов ХСН III-IV ФК с эксцентрической ГЛЖ, дезадаптивным типом ремоделирования миокарда.

Таким образом, глубокий дефицит ИФР-1, гиперэкспрессия ТФР- β 1 и альдостерона сопряжены с неблагоприятным течением процессов ремоделирования ЛЖ и ассоциируются с прогрессированием ХСН.

ВЫВОДЫ

1. У пациентов с ХСН ишемического генеза изменения уровней профибротических факторов роста ассоциированы с тяжестью течения и ФК ХСН, отражают особенности геометрии ЛЖ: у пациентов ХСН II ФК превалирует концентрическое ремоделирование ЛЖ, при ХСН III ФК зарегистрирована высокая частота концентрической гипертрофии ЛЖ, у больных ХСН IV ФК преобладает эксцентрическая гипертрофия ЛЖ с дезадаптивным типом ремоделирования.

2. Прогрессирование заболевания у больных ХСН и формирование эксцентрического типа ГЛЖ взаимосвязано с глубоким дефицитом ИФР-1. У большинства пациентов с ХСН II ФК преобладает концентрическое ремоделирование ЛЖ, которое развивалось на фоне значимого подъема уровня ИФР-1. У пациентов с ХСН III ФК низко-нормальный уровень ИФР-1 определен при концентрической ГЛЖ. Минимальная концентрация ИФР-1, сопряженная с гиперэкспрессией натрийуретических пептидов, зарегистрирована у больных ХСН IV ФК с эксцентрической ГЛЖ.

3. Дестабилизация течения ХСН, сопряженная с неблагоприятным течением процессов ремоделирования ЛЖ, ассоциируется с гиперактивацией ТФР- β 1, уровень которого коррелирует с концентрацией натрийуретических пептидов и увеличивается по мере повышения ФК ХСН. У пациентов с ХСН IV ФК определены наиболее значимые изменения геометрии ЛЖ и гиперэкспрессия ТФР- β 1.

4. Изменение уровня альдостерона у пациентов ХСН ассоциируется с тяжестью течения заболевания и отражает особенности ремоделирования миокарда. Максимальный уровень альдостерона, развивающийся на фоне гемодинамических нарушений и дестабилизации течения ХСН, зарегистрирован при ХСН IV ФК с эксцентрической ГЛЖ.

5. У больных ХСН III-IV ФК, определены значимые корреляционные

взаимоотношения между уровнем профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) и гемодинамическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ), выявлены их зависимости от уровня натрийуретических пептидов. У пациентов с прогрессирующей ХСН установленные ассоциации характеризуются однонаправленным повышением показателей ТФР- β 1 и натрийуретических пептидов, разнонаправленные сдвиги параметров ИФР-1 и натрийуретических пептидов сопряжены с тяжестью течения ХСН и коррелируют со степенью гемодинамических нарушений, отражающих выраженность процессов фиброзирования и ремоделирования миокарда.

6. У пациентов ХСН ишемического генеза изменения уровней профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) сопряжены с типом геометрии ЛЖ, что свидетельствует о важной роли активации профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) в развитии патологических типов ремоделирования у этих пациентов.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Оценка показателей профибротических факторов (ИФР-1, ТФР- β 1 и альдостерона) рекомендуется использовать для ранней диагностики фиброза миокарда при ХСН ишемического генеза.

2. Наличие тесных корреляций между эхокардиографическими параметрами (ИММЛЖ, КСОИ ЛЖ, ФВ ЛЖ) и уровнем профибротических факторов у пациентов с ХСН III-IV являются основой для разработки дополнительных диагностических тестов.

3. Оценка концентрации ИФР-1 у больных с ХСН III-IV ФК является дополнительным фактором оценки тяжести течения ХСН и имеет прогностическое значение: низкий уровень ИФР-1 при высоких значениях натрийуретических пептидов, зарегистрированные при дестабилизации течения ХСН, свидетельствуют о декомпенсации ХСН, являясь предиктором развития неблагоприятных исходов.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

- ГЛЖ – гипертрофия левого желудочка
- ДАД – диастолическое артериальное давление
- ИМТ – индекс массы тела
- ИММЛЖ – индекс массы миокарда левого желудочка
- ИОП – индексированный объем левого предсердия
- ИС – индекс сферичности
- ИСИР – интегральный систолический индекс ремоделирования
- ИФР-1 – инсулиноподобный фактор роста-1
- КМЦ – кардиомиоциты
- КДОИ – индексированный конечно-диастолический объем
- КСОИ – индексированный конечно-систолический объем
- ЛЖ – левый желудочек
- ММЛЖ – масса миокарда левого желудочка
- МС – миокардиальный стресс
- НУП – натрийуретический пептид
- ОТС – относительная толщина стенки
- РААС – ренин-ангиотензин-альдостероновая система
- САД – систолическое артериальное давление
- СД – сахарный диабет
- ССЗ – сердечно-сосудистые заболевания
- ТФР- β 1 – трансформирующий фактор роста β 1
- ТЗС – толщина задней стенки
- ТШХ- тест с 6-минутной ходьбой
- ФВ – фракция выброса
- ХСН – хроническая сердечная недостаточность
- ЭГЛЖ – эксцентрическая гипертрофия левого желудочка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, Ф.Т. Эволюция взглядов на возможности спиронолактона в терапии больных с сердечной недостаточностью / Ф.Т. Агеев // Кардиология. – 2022. – № 7. – С. 3-11.
2. Активность ренин-альдостероновой системы и особенности структуры и функции миокарда левого желудочка у больных артериальной гипертонией / Л.О. Минушкина, А.А. Затейщикова, Н.В. Хотченкова [и др.] // Кардиология. – 2000. – № 9. – С. 23-26.
3. Атрощенко, Е.С. Роль альдостерона в патогенезе хронической сердечной недостаточности и эффективность применения его антагонистов / Е.С. Атрощенко // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. – 2013. – № 3. – С. 5-15.
4. Биомаркеры сердечно-сосудистых заболеваний / С.Г. Щербак, Д.Г. Лисовец, А.М. Сарана [и др.] // Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 60-76.
5. Биомаркеры фиброза и воспаления и их связь с патологическим ремоделированием миокарда левого желудочка / А.В. Коротаев, А.М. Пристром, Е.П. Науменко [и др.] // Медико-биологические проблемы жизнедеятельности. – 2020. – № 2 (24). – С. 102-109.
6. Биосинтез альдостерона: генетический контроль и вклад в развитие артериальной гипертензии / Б.А. Тхоренко, А.В. Цепочкина, Н.Н. Тришкина [и др.] // Генетика. – 2019. – Т. 55, № 6. – С. 633-642.
7. Взаимосвязь ремоделирования сердца с содержанием провоспалительных цитокинов у больных ишемической болезнью сердца / А.Л. Аляви, Д.К. Туляганова, С.К. Нуритдинова [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2019. – № 18. – С. 10-11.
8. Взаимосвязь электрической нестабильности миокарда и постинфарктного ремоделирования у больных инфарктом миокарда с подъемом

сегмента ST / В.Э. Олейников, Ю.А. Барменкова, Е.В. Душина, А.В. Голубева // Кардиология. – 2021. – № 10. – С. 14-25.

9. Внеклеточный матрикс сердца и его изменения при фиброзе миокарда / О.В. Гриценко, Г.А. Чумакова, И.В. Шевляков, Н.Г. Веселовская // Кардиология. – 2020. – Т. 60, № 6. – С. 107-112.

10. Волеводз, Н.И. Гормон роста и сердечно-сосудистая система / Н.И. Волеводз // Проблемы эндокринологии. – 2011. – № 4. – С. 37-47.

11. Воронина, Л.П. Анализ уровня N-концевого предшественника натрийуретического пептида с - типа и эндотелина-1 при хронической сердечной недостаточности / Л.П. Воронина, Е.А. Полунина, И.С. Белякова // Вестник новых медицинских технологий. – 2019. – Т. 26, № 1. – С. 10-13.

12. Геннадик, А.Г. Роль инсулиноподобного фактора роста-1 в метаболизме, регуляции клеточного обновления и процессах старения / А.Г. Геннадик, А.А. Нелаева // Ожирение и метаболизм. – 2010. – № 2. – С. 10-15.

13. Гормон роста и инсулиноподобный фактор роста-1 в прогнозе течения ИБС у пациентов с ожирением / О.В. Шпагина, И.З. Бондаренко, И.Д. Куклина [и др.] // Ожирение и метаболизм. – 2014. – № 4. – С. 33-40.

14. Горшунова, Н.К. Инволютивная дисфункция миокарда как плацдарм для формирования структурных изменений сердца и нарушений кровообращения / Н.К. Горшунова, Н.В. Медведев // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 3. – С. 148.

15. Губарева, И.В. Артериальная гипертензия и хроническая сердечная недостаточность: нейрогуморальные, гемодинамические предикторы ремоделирования сердца и формирования диастолической дисфункции : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.01.05 / Губарева Ирина Валерьевна. – Самара, 2016. – 46 с.

16. Дедов, И.И. Эндокринные механизмы модуляции сердечной деятельности у пациентов с хронической сердечной недостаточностью: роль гормона роста / И.И. Дедов, И.З. Бондаренко, О.Б. Безлепкина // Ожирение и

метаболизм. – 2010. – № 4. – С. 4-7.

17. Динамика уровня альдостерона и ремоделирование сердца у больных инфарктом миокарда с недифференцированной дисплазией соединительной ткани на фоне медикаментозной коррекции селективным блокатором рецепторов альдостерона / Е.П. Мирошниченко, Н.Ю. Драненко, И.Я. Горянская [и др.] // Евразийский кардиологический журнал. – 2018. – № 3. – С.4-13.

18. Драпкина, О.М. Натрийуретические пептиды: новые задачи- новые решения / О.М. Драпкина, Р.Н. Шепель, О.Н. Джигоева // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2021. – Т. 20, № 7. - С. 106-112.

19. Драпкина, О.М. Оценка нарушений сократительной функции предсердий и фиброза как предикторов развития хронической сердечной недостаточности / О.М. Драпкина, Е.В. Черкунова // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. – 2014. – Т. 10, № 2. – С. 231-237.

20. Драпкина, О.М. Прогностическое значение натрийуретического пептида для оценки риска сердечно-сосудистых осложнений при внесердечных хирургических вмешательствах / О.М. Драпкина, О.Н.Джигоева// Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2020. – Т.19, № 5. – С. 253-258.

21. Душина, А.Г. Особенности хронической сердечной недостаточности в зависимости от фракции выброса левого желудочка / А.Г. Душина, Е.А. Лопина, Р.А. Либис // Российский кардиологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 7-11.

22. Ена, Л.М. Роль гемодинамических и гуморальных факторов в патогенезе миокардиального фиброза у пациентов пожилого возраста с артериальной гипертензией и фибрилляцией предсердий (обзор литературы) / Л.М. Ена, Л.В.Бевзюк // Проблема старения и долголетия. – 2013. – № 22 (4). – С. 365-379.

23. Журавлева, Л.В. Инсулиноподобный фактор роста-1 и ремоделирование миокарда у больных с артериальной гипертензией / Л.В.

Журавлева, О.Н. Ковалева // Украинский кардиологический журнал. – 2006. – № 5. – С. 32-37.

24. Закирова, Н.Э. Особенности ремоделирования левого желудочка у больных острым инфарктом миокарда с подъемом и без подъема сегмента ST / Н.Э. Закирова, А.Н. Закирова, З.А. Казиева // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 154-159.

25. Значение сывороточных биомаркеров в прогнозировании развития сердечной недостаточности и смертности / А.Ф. Хамитова, С.С. Дождев, Ш.З. Загидуллин [и др.] // Артериальная гипертензия. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 101-107.

26. Инсулиноподобный фактор роста и ремоделирование миокарда у пациенток с артериальной гипертонией и метаболическим синдромом / А.Н. Закирова, Е.З. Фаткуллина, Н.Э. Закирова, Л.М. Жамалов // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. – 2015. – Т. 11, № 5. – С. 489-495.

27. Инсулиноподобный фактор роста-1: роль в прогнозе сердечно-сосудистой патологии / В.А. Разин, Л.Т. Низамова, В.В. Гноевых [и др.] // Ульяновский медико-биологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 6-17.

28. Ионин, В.А. Роль маркеров фиброза в стратификации риска фибрилляции предсердий у больных с метаболическим синдромом / В.А. Ионин, Е.И. Баранова // Трансляционная медицина. – 2016. – Т. 3, № 3. – С. 17-25.

29. Капелько, В.И. Эволюция концепции и метаболическая основа ишемической дисфункции миокарда / В.И. Капелько // Кардиология. – 2005. – Т. 45, № 9. – С.55-61.

30. Карабаева, А.Ж. Минералкортикоидные рецепторы и альдостерон / А.Ж. Карабаева // Вестник Витебского Государственного медицинского университета. – 2008. – Т. 7, № 2. – С. 11-17.

31. Коваль, С.Н. Взаимосвязь структурно-функциональных изменений сердца и уровня инсулиноподобного фактора роста 1 у больных гипертонической болезнью в сочетании с сахарным диабетом 2-го типа / С.Н. Коваль, Л.В. Масляева, Л.А. Резник // Внутренняя медицина. – 2009. – Т. 15, №

3. – С. 23-27.

32. Коваль, С.Н. Особенности ремоделирования левого желудочка сердца у больных гипертонической болезнью сердца, ассоциированной с сахарным диабетом 2 типа / С.Н. Коваль, Т.Г. Старченко // Украинский терапевтический журнал. – 2010. – № 10. – С. 68-72.

33. Кожевникова, М.В. Биомаркеры сердечной недостаточности: настоящее и будущее / М.В. Кожевникова, Ю.Н. Беленков // Кардиология. – 2021. – Т. 61, №5. – С. 4-16.

34. Копица, Н.П. Методы диагностики миокардиального фиброза у больных артериальной гипертензией / Н.П. Копица, Н.В. Белая, Н.В. Титаренко // Артериальная гипертензия. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 47-52.

35. Краева, О.А. Вопросы ремоделирования сердца / О.А. Краева, Н.В. Башмакова // Лечение и профилактика. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 83-88.

36. Кузьмин, А. Г. Экспрессия трансформирующего фактора роста $\beta 1$ и матриксных металлопротеиназ при дезадаптивном ремоделировании сердца / А.Г. Кузьмин, А.В. Сепп, С.Л. Мельникова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Биология, клиническая медицина. – 2013. – Т. 11, № 3. – С. 109-116.

37. Лапшина, Л.А. Роль альдостерона в процессе ремоделирования миокарда / Л.А. Лапшина, П.Г. Кравчун, Е.А. Лепеева // Украинский кардиологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 90-95.

38. Ложкина, Н.Г. Факторы, ассоциированные с постинфарктным ремоделированием миокарда / Н.Г. Ложкина, И.Р. Мукарамов // Атеросклероз. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 62-69.

39. Мангилева, Т.А. Метаболические и гемодинамические эффекты системы гормон роста — инсулиноподобный фактор роста / Т.А. Мангилева, Н.Х. Гафарова // Терапевтический архив. – 2015. – Т. 87, № 12. – С. 128-133.

40. Маркеры миокардиального фиброза у пациентов с ишемической

кардиомиопатией: взаимосвязь с выраженностью симптомов хронической сердечной недостаточности / Е.И. Мясоедова, О.С. Полунина, И.В. Севостьянова [и др.] // Астраханский медицинский журнал. – 2016. – № 4. – С. 93-99.

41. Матвеевко, М.С. Патогенетические особенности неблагоприятного постинфарктного ремоделирования миокарда левого желудочка и факторы, способствующие его развитию / М.С. Матвеевко, Н.И. Головина // Заметки ученого. – 2022. – № 3. – С.132-139.

42. Миклишанская, С.В. Механизмы формирования миокардиального фиброза в норме и при некоторых сердечно-сосудистых заболеваниях / С.В. Миклишанская, Н.А. Мазур, Н.В. Шестакова // Медицинский совет. – 2017. – № 12. – С. 75-81.

43. Молекулярные маркеры фиброза при постинфарктном ремоделировании миокарда / О.Л. Барбараш, А.Г. Кутихин, Т.Б. Печерина [и др.] // Фундаментальная и клиническая медицина. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 17-30.

44. Морфологические аспекты прогрессирования постинфарктного фиброза миокарда / В.П. Захарова, А.А. Балабай, Е.В. Руденко, С.А. Руденко // Кардиология в Беларуси. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 71-76.

45. Нечесова, Т.А. Ремоделирование левого желудочка: патогенез и методы оценки / Т.А. Нечесова, И.Ю. Коробко, Н.И. Кузнецова // Медицинские новости. – 2008. – № 11. – С. 7-13.

46. Обрезан, А.Г. Нейрогуморальный дисбаланс при хронической сердечной недостаточности: классические и современные позиции / А.Г. Обрезан, Н.В. Куликов // Российский кардиологический журнал. – 2017. – № 9. – С.83-92.

47. Овчинников, А.Г. Фиброз левого желудочка: патогенез, диагностика, лечение / А.Г. Овчинников, М.В. Ожерельева, Ф.Т. Агеев // Неотложная кардиология. – 2015. – № 4. – С. 11-26.

48. Ожерельева, М.В. Особенности ремоделирования левого желудочка при гипертонической болезни / М.В. Ожерельева, А.Г. Овчинников //

Медицинский вестник Юга России. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 14-22.

49. Осипова, О.А. Характер ремоделирования миокарда левого желудочка сердца у больных с постинфарктным кардиосклерозом / О.А. Осипова, А.Ю. Вахрамеева // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 8. – С. 81-82.

50. Оценка роли трансформирующего фактора роста $\beta 1$ в развитии осложнений у пациентов с ишемической болезнью сердца после аортокоронарного шунтирования / Е.В. Шкорик, Е.В. Маркелова, А.А. Силаев [и др.] // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 7-3. – С. 604-609.

51. Патогенетические аспекты постинфарктного ремоделирования миокарда / Н.П. Митьковская, О.Г. Нижникова, Т.В. Статкевич [и др.] // Медицинский журнал. – 2013. – № 1. – С. 12-18.

52. Патологическое ремоделирование миокарда: проблемы гипертрофии, воспаления и фиброза / О.М. Моисеева, Н.С. Гончарова, Е.В. Карелкина, М.Г. Мартынова // Клиническая и экспериментальная кардиология. – Санкт-Петербург : ООО "Академический медицинский центр", 2005. – С. 80-87.

53. Первичный альдостеронизм и резистентная артериальная гипертензия / Н.Э. Звартау, Л.С. Коростовцева, И.В. Емельянов, Ю.В. Свиряев // Артериальная гипертензия. – 2012. – Т. 18, № 6. – С. 514-521.

54. Перуцкий, Д.Н. Основные концепции постинфарктного ремоделирования миокарда левого желудочка / Д.Н. Перуцкий, Т.И. Макеева, С.Л. Константинов // Научные ведомости. Серия медицина. Фармация. – 2011. – № 10. – С. 51-59.

55. Перуцкий, Д.Н. Современные подходы к оценке многососудистого поражения коронарного русла у больных хронической ишемической болезнью сердца / Д.Н. Перуцкий, И.Б. Коваленко, С.Л. Константинов, Т.И. Макеева, М.В. Филатов // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. – 2011. – № 7. – С. 744-751.

56. Печерина, Т.Б. Матриксные металлопротеиназы. Клиническая и прогностическая значимость у больных инфарктом миокарда / Т.Б. Печерина,

О.Л. Барбараш // *Фундаментальная и клиническая медицина*. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 84-94.

57. Постинфарктное ремоделирование миокарда и исходы в течение первого года / Х.М. Турсунов, Д.А. Алимов, Р.А. Рахимова [и др.] // *Вестник экстренной медицины*. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 27-31.

58. Прогноз суточной летальности и белковые факторы роста и повреждения при остром коронарном синдроме / Г.Х. Каюмова, В.А. Разин, Р.Х. Гимаев [и др.] // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. – 2017. – Т. № 16, № 6. – С. 70- 75.

59. Пронин, В.С. Инсулиноподобные ростовые факторы в клинической практике: биологическая роль и перспективы использования / В.С. Пронин, Д.Е. Колода, Е.В. Чаплыгина // *Клиницист*. – 2008. – № 1. – С. 18-27.

60. Радайкина, О.Г. Роль эндотелиальной дисфункции в патологии сердечно-сосудистой системы / О.Г. Радайкина, А.П. Власов, Н.А. Мышкина // *Ульяновский медико-биологический журнал*. – 2018. – № 4. – С. 8-17.

61. Ремоделирование сердца у больных постинфарктным кардиосклерозом на разных стадиях хронической сердечной недостаточности / В.В. Мазур, А.М. Калинин, О.А. Загораев, Е.С. Мазур // *Российский кардиологический журнал*. – 2008. – № 3. – С. 18-21.

62. Роль апоптоза кардиомиоцитов в механизмах ишемического ремоделирования миокарда / А.П. Хлапов, Ю.Ю. Вечерский, Н.В. Рязанцева [и др.] // *Бюллетень сибирской медицины*. – 2008. – № 3. – С. 33-38.

63. Роль внеклеточного матрикса сердца в возникновении и прогрессировании хронической сердечной недостаточности / Н.Н. Илов, К.Ш. Арнаудова, А.А. Нечепуренко [и др.] // *Российский кардиологический журнал*. – 2021. – Т.26, №2. – С. 63-68.

64. Роль мозгового натрийуретического пептида в патогенезе резистентной артериальной гипертензии / К.Ю. Николаев, А.В. Шилова, А.Я. Ковалева, Г.И. Лифшиц // *Российский кардиологический журнал*. – 2023. – Т. 28, № 1. – С.111-115.

65. Роль натрийуретических пептидов и эритропоэтина в регуляции толерантности сердца к действию ишемии и реперфузии. Анализ экспериментальных и клинических данных / Л.Н. Маслов, Н.В. Нарыжная, С.Ю. Цибульников [и др.] // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. – 2019. – № 1. – С. 24-35.

66. Роль трансформирующего β - фактора роста в патогенезе пролапса митрального клапана / Э.Г. Малев, Э.В. Земцовский, М.Ю. Омельченко, Л.В. Васина // Кардиология. – 2012. – № 12. – С. 34-39.

67. Садовой, В.И. Взаимосвязь ремоделирования миокарда и сывороточных уровней трансформирующего фактора роста β , фактора роста гепатоцитов, С- реактивного белка в раннем постинфарктном периоде / В.И. Садовой // Терапевтический медико-биологический вестник. – 2014. – С. 106-110.

68. Система гормон роста- инсулиноподобный фактор роста-1 на разных этапах течения хронической сердечной недостаточности / А.В. Дронова, Е.Н. Гринева, М.Ю. Ситникова, Е.В. Шляхто // Артериальная гипертензия. – 2010. – Т. 16, №3. – С. 299-303.

69. Теплаков, А.Т. Взаимосвязь соматотропного гормона с постинфарктным ремоделированием сердца и клиническим прогнозом у больных инфарктом миокарда / А.Т. Теплаков, И.Л. Телкова, Р.С. Карпов // Клиническая медицина.– 2001. – № 2. – С. 37–42.

70. Трансформирующий фактор роста- β 1 при различном клиническом течении ишемической болезни сердца после операции коронарного шунтирования / К.В. Корженевская, Н.А. Гавришева, А.В. Панов [и др.] // Медицинская иммунология. – 2010. – № 6. – С. 521-528.

71. Фиброз миокарда - новый компонент ремоделирования сердца у спортсменов? / А.С. Шарыкин, В.А. Бадтиева, И.И. Трунина, И.М. Османов // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2019. – Т. 18, № 6- С. 126-135.

72. Фомин, И.В. Хроническая сердечная недостаточность в Российской Федерации: что сегодня мы знаем и что должны делать / И.В. Фомин // Российский кардиологический журнал. – 2016. – № 8. – С. 7–13.

73. Хежева, Ф.М. Сывороточные маркеры фиброза у больных артериальной гипертонией / Ф.М. Хежева, Н.А. Мазур // Кардиология. – 2006. – Т. 46, № 3. – С.64-67.

74. Хроническая сердечная недостаточность в Российской Федерации: что изменилось за 20 лет наблюдения? Результаты исследования ЭПОХА -ХСН / Д.С. Поляков, И.В. Фомин, Ю.Н. Беленков [и др.] // Кардиология. – 2021. – Т. 61, № 4. – С. 4-14.

75. Хроническая сердечная недостаточность. Клинические рекомендации 2020 / С.Н. Терещенко, А.С. Галявич, Т.М. Ускач [и др.] // Российский кардиологический журнал. – 2020. – Т. 25, № 11. – С. 311-374.

76. Цыпленкова, В.Г. Критические заметки по поводу парадигмы «гибернирующий и оглушенный миокард» / В.Г. Цыпленкова // Кардиология. – 2005. – № 9. – С. 43-46.

77. Чаулин, А. М. Повышение натрийуретических пептидов, не ассоциированное с сердечной недостаточностью / А.М. Чаулин, Д.В. Дупляков // Российский кардиологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 55–61.

78. Шапошник, И.И. Структурно-функциональные варианты поражения сердца при гипертонической болезни / И.И. Шапошник, Д.В. Богданов, Н.А. Эктова // Вестник аритмологии. – 2005. – № 39-1. – С.152.

79. Шевелёк, А.Н. Взаимосвязь плазменных уровней альдостерона и показателей углеводного обмена при хронической сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса / А.Н. Шевелёк // Российский кардиологический журнал. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 10-16.

80. Эхокардиографические аспекты ремоделирования левого желудочка у больных ИБС до и после корригирующих операций на сердце / И.Л. Буховец, И.Н. Ворожцова, И.Г. Лавров [и др.] // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых

заболеваний. – 2013. – № 4. – С. 109-116.

81. Эхокардиографические корреляты фиброза миокарда у пациентов с инфарктом миокарда и сохранной фракцией выброса левого желудочка / Н.В. Федорова, А.И. Герман, А.Н. Коков [и др.] // *Фундаментальная и клиническая медицина.* –2019. –Т. 4, № 2. – С. 17-27.

82. Absence of natriuretic peptide clearance receptor attenuates TGF- β 1-induced selective atrial fibrosis and atrial fibrillation / D. Rahmutula, H. Zhang, E.E. Wilson, J.E. Olgin // *Cardiovasc. Res.* – 2019. – Vol. 115, № 2. – P. 357-372.

83. Acromegalic cardiomyopathy: a neglected cause of cardiomyopathy / T. Bonora, E. Rigamonti, M. Capoferri, M.L. De Perna // *Clin. Ter.* – 2022. – Vol. 173, № 1. – P. 31-34.

84. Acromegaly: pathogenesis, diagnosis, and management / M. Fleseriu, F. Langlois, D.S.T. Lim [et al.] // *Lancet Diabetes Endocrinol.* – 2022. – Vol. 10, № 11. – P. 804-826.

85. Agrotis, A. Transforming growth factor beta, cell signaling and cardiovascular disorders / A. Agrotis, N. Kalinina, A. Bobik // *Curr. Vasc. Pharmacol.* – 2005. – Vol.3. – P. 55-61.

86. Al Qudah, M. Targeting the renin-angiotensin-aldosterone system in fibrosis / M. AlQudah, T.M. Hale, M.P. Czubryt // *Matrix Biol.* – 2020. – Vol. 91-92. – P. 92-108.

87. Aldosterone and mineralocorticoid receptors in regulation of the cardiovascular system and pathological remodeling of the heart and arteries / D. Sztachman, K. Czarzasta, A. Cudnoch-Jedrzejewska [et al.] // *J. Physiol. Pharmacol.* – 2018. – Vol.69, № 6. – P. 829-845.

88. Aldosterone as a mediator of cardiovascular damage / F. Buffolo, M. Tetti, P. Mulatero, S. Monticone // *Hypertension.* – 2022. – Vol. 79, № 9. – P. 1899-1911.

89. Aldosterone blockade in acute myocardial infarction: a systematic review and meta-analysis / Q. Chen, D. Zhao, J. Sun, C. Lu // *Cardiovasc. Ther.* – 2021. -

Vol. 25. –P. 1710731.

90. Aldosterone, inflammation, immune system, and hypertension / N.S. Ferreira, R.C. Tostes, P. Paradis, E.L. Schiffrin // *Am. J. Hypertens.* – 2021. – Vol. 34, № 1. – P. 15-27.

91. Ames, M.K .The renin-angiotensin-aldosterone system and its suppression / M.K. Ames, C.E. Atkins, B. Pitt // *J. Vet. Intern. Med.* – 2019. – Vol. 33, № 2. – P. 363- 382.

92. Ames, M.K. Beyond Angiotensin-Converting Enzyme Inhibitors: Modulation of the Renin-Angiotensin-Aldosterone System to Delay or Manage Congestive Heart Failure. / M.K. Ames, D.B.Adin,J. Wood, B. Pitt // *Vet Clin North Am Small Anim Pract.*- Vol. 3, № 2. –P. 1353-1366

93. Analysis of biomarkers for predicting left ventricular remodeling after successful revascularization of acute myocardial infarction / Y.J. Tao, Z.L. Xia, Y.J. Gao, C.J. Gao // *J. Shanghai Jiaotong Univ.* – 2019. – Vol. 39, № 1. – P. 60–64.

94. Association between insulin-like growth factor-1 and cardiovascular events: a systematic review and dose-response meta-analysis of cohort studies / T. Li, Y. Zhao,X. Yang [et al.] // *J. Endocrinol. Invest.* – 2022. – Vol. 45, № 12. – P. 2221-2231.

95. Association of the insulin-like growth factor1 gene with myocardial infarction in Japanese subjects / N. Aoi, T. Nakayama, M. Soma [et al.] // *Hereditas.* – 2010. – Vol.147, № 5. – P. 215–224.

96. Atrial fibrillation and its arrhythmogenesis associated with insulin resistance / Y.H. Chan, G.J. Chang, Y.J. Lai [et al.] // *Cardiovasc. Diabetol.* – 2019. – Vol. 18, № 1. –P. 125.

97. Bartke, A. Growth hormone and aging: updated review / A. Bartke // *World J. MensHealth.* – 2019. – Vol. 37, № 1. – P. 19-30.

98. Berezin, A.E. Adverse cardiac remodeling after acute myocardial infarction: old and new biomarkers / A.E. Berezin, A.A. Berezin // *Dis. Markers.* – 2020. – Vol. 12. – P.1215802.

99. Biomarkers for the diagnosis and management of heart failure / V. Castiglione, A. Aimo, G. Vergaro [et al.] // *Heart Fail. Rev.* – 2022. – Vol. 27, № 2. – P. 625-643.
100. Biomarkers for the identification of cardiac fibroblast and myofibroblast cells / E. Tarbit, I. Singh, J.N. Peart, R.B. Rose Meyer // *Heart Fail. Rev.* – 2019. – Vol. 24, №1. – P. 1-15.
101. Biomarkers in atrial fibrillation and heart failure / E. Oikonomou, T. Zografos, G.A. Papamikroulis [et al.] // *Curr. Med. Chem.* – 2019. – Vol. 26, № 5. – P. 873- 887.
102. Biomarkers in heart failure with preserved ejection fraction / A. Bayes-Genis, G. Cediél, M. Domingo [et al.] // *Card. Fail. Rev.* – 2022 – Vol. 8. – P. e20.
103. Biomarkers in heart failure: the past, current and future / M. Sarhene, Y. Wang, J. Wei [et al.] // *Heart Fail. Rev.* – 2019. – Vol. 24, № 6. – P. 867-903.
104. Biomarkers of atrial fibrillation in hypertension / C. Tsioufis, D. Konstantinidis, I. Nikolakopoulos [et al.] // *Curr. Med. Chem.* – 2019. – Vol. 26, № 5. – P. 888-897.
105. Blood biomarkers in patients with bicuspid aortic valve disease / L.R. Bons, L.W. Geenen, Van den Hoven [et al.] // *J. Cardiol.* – 2020. – Vol. 76, № 3. – P. 287-294.
106. Burke, R.M. Fibroblast contributions to ischemic cardiac remodeling / R.M. Burke, K.N. Burgos Villar, E.M. Small // *Cell Signal.* – 2021. – Vol. 77. – P. 109824.
107. Cardiac fibrosis: new insights into the pathogenesis / Z.G. Ma, Y.P. Yuan, H.M. Wu [et al.] // *Int. J. Biol. Sci.* – 2018. – Vol. 14, № 12. – P. 1645-1657.
108. Cardiac monocytes and macrophages after myocardial infarction / C. Peet, A. Ivetic, D.I. Bromage, A.M. Shah // *Cardiovasc. Res.* – 2020. – Vol. 116, № 6. – P. 1101-1112.
109. Cardiac natriuretic peptides / J.P. Goetze, B.G. Bruneau, H.R. Ramos [et al.] // *Nat.Rev. Cardiol.* – 2020. – Vol. 17, № 11. – P. 698-717.

110. Cardiac remodeling - Part 1: from cells and tissues to circulating biomarkers. A review from the study group on biomarkers of the heart failure association of the european society of cardiology / A. Gonzalez, A.M. Richards, R.A. de Boer [et al.] // *Eur. J. Heart Fail.* – 2022. – Vol. 24, № 6. – P. 927-943.

111. Cells of the immune system in cardiac remodeling: main players in resolution of inflammation and repair after myocardial infarction // I. Kologrivova, M. Shtatolkina, T. Suslova, V. Ryabov // *Front. Immunol.* – 2021. – Vol. 2, № 12. – P. 664457.

112. Chanson, P. The heart in growth hormone (GH) deficiency and the cardiovascular effects of GH / P. Chanson // *Ann. Endocrinol.* – 2021. – Vol. 82, № 3-4. – P. 210- 213.

113. Chen, P.Y. Fibroblast growth factor-transforming growth factor beta dialogues, endothelial cell to mesenchymal transition, and atherosclerosis / P.Y. Chen, M. Simons // *Curr. Opin. Lipidol.* – 2018. – Vol. 29, № 5. – P. 397-403.

114. Cho, N. Featured Article: TGF- β 1 dominates extracellular matrix rigidity for inducing differentiation of human cardiac fibroblasts to myofibroblasts / N. Cho, S.E. Razipour, M.L. McCain // *Exp. Biol. Med.* – 2018. – Vol. 243, № 7. – P. 601-612.

115. Circulating growth factors and cardiac remodeling in the community: the framingham heart study / C. Castro-Diehl, R.J. Song, D.B. Sawyer [et al.] // *Int. J. Cardiol.* – 2021. – Vol. 329. – P. 217-224.

116. Circulating matrix metalloproteinase-28 levels are related to grace scores and short-term outcomes in patients with acute myocardial infarction / K. Zhou, Y. Li, Y. Xu, R. Guo // *Biomed. Res. Int.* – 2020. – Vol. 2020. – P. 9206703.

117. Cittadini, A. Growth hormone in heart failure revisited: An old story retold / A. Cittadini, R. Monaldi D'Assante // *Arch. Chest. Dis.* – 2018. – Vol. 88, № 3. – P. 989.

118. Congestion in heart failure: a circulating biomarker-based perspective. a review from the biomarkers working group of the heart failure association, european society of cardiology / J. Nunez, R. de la Espriella, P. Rossignol [et al.] // *Eur. J. Heart Fail.* – 2022. – Vol. 24, № 10. – P. 1751-1766.

119. Controversies in the pathogenesis, diagnosis and treatment of PCOS: focus on insulin resistance, inflammation, and hyperandrogenism / D. Armanini, M. Boscaro, L. Bordin, C. Sabbadin // *Int. J. Mol. Sci.* – 2022. – Vol. 23, № 8. – P. 4110.
120. Covert actions of growth hormone: fibrosis, cardiovascular diseases and cancer / J.J. Kopchick, R. Basu, D.E. Berryman [et al.] // *Nat. Rev. Endocrinol.* – 2022. – Vol. 18, № 9. – P. 558-573.
121. Cunningham, J.W. NT-proBNP response to heart failure therapies: an imperfect surrogate / J.W. Cunningham, P.L. Myhre // *J. Am. Coll. Cardiol.* – 2021. – Vol. 78, № 13. – P. 1333-1336.
122. Diffuse myocardial fibrosis: mechanisms, diagnosis and therapeutic approaches / B. Lopez, S. Ravassa, M.U. Moreno [et al.] // *Nat. Rev. Cardiol.* – 2021. – Vol. 18, № 7. – P. 479-498.
123. Direct reprogramming improves cardiac function and reverses fibrosis in chronic myocardial infarction / H. Tani, T. Sadahiro, Y. Yamada [et al.] // *Circulation.* – 2023. – Vol. 147, № 3. – P. 223-238.
124. Dissecting the correlates of N-terminal prohormone brain natriuretic peptide in acute infective endocarditis / L. Bertolino, M.P. Ursi, D. Iossa [et al.] // *Infection.* – 2022. – Vol. 50, № 6. – P. 1465-1474.
125. Duangrat, R. Dual blockade of TGF- β Receptor and endothelin receptor synergistically inhibits angiotensin II-induced myofibroblast differentiation: role of AT₁R/G α_q -Mediated TGF- β 1 and ET-1 signaling / R. Duangrat, W. Parichatikanond, S. Mangmool // *Int. J. Mol. Sci.* – 2023. – Vol. 24, № 8. – P. 6972.
126. Dynamic risk stratification using serial measurements of plasma concentrations of natriuretic peptides in patients with heart failure / J. Zhang, P. Pellicori, D. Pan [et al.] // *Int. J. Cardiol.* – 2018. – Vol. 15. – P. 196-200.
127. Effect of growth hormone treatment on circulating levels of NT-proBNP in patients with ischemic heart failure / K. Karason, E. Bobbio, C. Polte [et al.] // *Growth Horm. IGF Res.* – 2020. – Vol. 55. – P. 101359.

128. Effect of paeoniflorin on cardiac remodeling in chronic heart failure rats through the transforming growth factor β 1/Smad signaling pathway / M. Liu, J. Ai, J. Feng [etal.] // *Cardiovasc. Diagn. Ther.* – 2019. – Vol. 9, № 3. – P. 272-280.
129. Effects of AT1- and beta-adrenergic receptor antagonists on TGF-beta1-induced fibrosis in transgenic mice / U. Seeland, A. Schaffer, S. Selejan [et al.] // *Eur. J. Clin. Invest.* – 2009. – Vol. 39, № 10. – P. 851-859.
130. Effects of growth hormone on circulating cytokine network, and left ventricular contractile performance and geometry in patients with idiopathic dilated cardiomyopathy / S. Adamopoulos, J.T. Parissis, I. Paraskevaidis [et al.] // *Eur. Heart J.* – 2003. – № 24. – P. 2186–2196.
131. Effects of IGF-1 on the cardiovascular system / M. Obradovic, S. Zafirovic, S. Soskic [et al.] // *Curr. Pharm. Des.* – 2019. – Vol. 25, № 35. – P. 3715-3725.
132. Effects of renin-angiotensin-aldosterone system inhibition on left ventricular hypertrophy, diastolic function, and functional status in patients with hypertrophic cardiomyopathy: a systematic review / H. Akhtar, Al H. Sudani, M. Hussein [et al.] // *Cureus.* – 2022. – Vol. 14, № 7. – P. e26642.
133. ESC scientific document group; ESC national cardiac societies. 2021 ESC guidelines on cardiovascular disease prevention in clinical practice / F.L.J. Visseren, F. Mach, Y.M. Smulders [et al.] // *Eur. Heart. J.* – 2021. – Vol. 42, № 34. – P. 3227-3337.
134. Evaluation of fetal left ventricular size and function using speckle-tracking and the simpson rule / G.R. De Vore, B. Klas, G. Satou, M. Sklansky // *J. Ultrasound Med.* – 2019. – Vol. 38, № 5. – P. 1209-1221.
135. Expression and clinical value of miR-128 and IGF-1 in patients with acute ischemic stroke / S. Li, Y. Zhao, J. Zhao, L. Mou // *Minerva Med.* – 2020. – Vol. 111, № 6. – P. 544-550.
136. Early-onset growth hormone deficiency results in diastolic dysfunction in adult-life is prevented by growth hormone supplementation / L. Groban, M. Lin, K. Kassak [etal.] // *Growth Horm. IGF Res.* – 2011. – Vol. 2. – P. 81-88.

137. Fibroblast growth factor 23 is induced by an activated renin-angiotensin-aldosterone system in cardiac myocytes and promotes the pro-fibrotic crosstalk between cardiac myocytes and fibroblasts / M. Leifheit-Nestler, F. Kirchhoff, J. Nespore [et al.] // *Nephrol. Dial. Transplant.* – 2018. – Vol. 33, № 10. – P. 1722-1734.

138. Fibrosis-relation biomarkers and incident cardiovascular disease in older adults: the cardiovascular health Study / I. Agarwall, N.I. Glazer, E. Barasch [et al.] // *Cur. Arrhythm. Electrophysiol.* – 2014. – Vol. 7, № 4. – P. 583-584.

139. Frangogiannis, N.G. Cardiac fibrosis / N.G. Frangogiannis // *Cardiovasc. Res.* – 2021. – Vol. 117, № 6. – P.1450-1488.

140. Frangogiannis, N.G. Cardiac fibrosis: cell biological mechanisms, molecular pathways and therapeutic opportunities / N.G. Frangogiannis // *Mol. Aspects Med.* – 2019. – Vol. 65. – P. 70-99.

141. Frangogiannis, N.G. Extra cellular matrix in ischemic heart disease, part 4/4: JACC focus seminar / N.G. Frangogiannis, J.C. Kovacic // *J. Am. Coll. Cardiol.* – 2020. – Vol. 75, № 17. – P. 2219-2235.

142. Frangogiannis, N.G. The extracellular matrix in ischemic and nonischemic heart failure / N.G. Frangogiannis // *Circ. Res.* – 2019. – Vol. 125, № 1. – P. 117-146. 136.

143. Frangogiannis, N.G. Transforming growth factor- β in myocardial disease / N.G. Frangogiannis // *Nat. Rev. Cardiol.* – 2022. – Vol. 19, № 7. – P. 435-455.

144. Free IGF-1, Intact IGFBP-4, and Pico PAPP-A are altered in acute myocardial infarction compared to stable coronary artery disease and healthy controls / A.D. Anastasilakis, D. Koulaxis, J. Upadhyay [et al.] // *Horm. Metab. Res.* – 2019. – Vol.51, № 2. – P.112-119.

145. Genetic disruption of guanylyl cyclase/natriuretic peptide receptor-a triggers differential cardiac fibrosis and disorders in male and female mutant mice: role of TGF- β 1/SMAD signaling pathway / U. Subramanian, C. Ramasamy, S. Ramachandran [et al.] // *Int. J. Mol. Sci.* – 2022. – Vol. 23, № 19. – P. 11487.

146. Gibb, A.A. Myofibroblasts and fibrosis: mitochondrial and metabolic control of cellular differentiation / A.A. Gibb, M.P. Lazaropoulos, J.W. Elrod // *Circ.*

Res. – 2020. – Vol. 127, № 3. – P. 427-447.

147. Gorini, S. Role of aldosterone and mineralcorticoid receptor in cardiovascular aging / S. Gorini, S.K. Kim, M. Infante / *Front. Endocrinol.* – 2019. – Vol. 10. – P. 584.

148. Growth hormone and obesity / A. Hjelholt, M. Hogild, A.M. Bak [et al.] // *Endocrinol. Metab. Clin. North. Am.* – 2020. – Vol. 49, № 2. – P. 239-250.

149. Growth hormone as biomarker in heart failure / A.M. Marra, E. Bobbio, R. D'Assante [et al.] // *Heart. Fail. Clin.* – 2018. – Vol. 14, № 1. – P. 65-74.

150. Growth hormone concentration and risk of all-cause and cardiovascular mortality: the reasons for geographic and racial disparities in stroke (REGARDS) study / N. Wettersten, R. Mital, M. Cushman [et al.] // *Atherosclerosis.* – 2022. – Vol. 359. – P.20-26.

151. Growth hormone therapy in heart failure / A. Salzano, A.M. Marra, R. D'Assante[et al.] // *Heart Fail. Clin.* – 2018. – Vol. 14, № 4. – P. 501-515.

152. Growth hormone-releasing hormone in endothelial inflammation / N. Barabutis, M.S. Akhter, K.T. Kubra, K. Jackson // *Endocrinology.* – 2022. – Vol. 164, № 2.

153. Halliday, B.P. The interstitium in the hypertrophied heart / B.P. Halliday, S.K. Prasad // *JACC Cardiovasc. Imaging.* – 2019. – Vol. 12, № 11 Pt 2. – P. 2357-2368.

154. Hanna, A. The role of the TGF- β super family in myocardial infarction / A. Hanna, N.G. Frangogiannis // *Front. Cardiovasc. Med.* – 2019. – Vol. 6. – P. 140.

155. Hayes, C.A. Preclinical and clinical evidence of IGF-1 as a prognostic marker and acute intervention with ischemic stroke / C.A. Hayes, M.N. Valcarcel-Ares, N.M. Ashpole // *J. Cereb. Blood. Flow. Metab.* – 2021. – Vol. 41, № 10. – P. 2475-2491.

156. Heart failure after myocardial infarction: incidence and predictors / D. Jenca, V. Melenovsky, J. Stehlik [et al.] // *ESC Heart Fail.* – 2021. – Vol. 8, № 1. – P. 222-237.

157. Heart failure association of the european society of cardiology practical guidance on the use of natriuretic peptide concentrations / C. Mueller, K. McDonald, R.A. de Boer [et al.] // *Eur. J. Heart. Fail.* – 2019. – Vol. 21, № 6. – P. 715-731.
158. Heart failure with preserved ejection fraction in patients with normal natriuretic peptide levels is associated with increased morbidity and mortality / H. Verbrugge Frederik, Omote Kazunori, N.V. Reddy Yogesh [et al.] // *Eur. Heart J.* – 2022. – Vol.43, № 20. – P. 1941-1951.
159. Heart remodeling in patients after ST segment elevation myocardial infarction with and without concomitant COPD / A. Balitskya, E.B. Klester, K.V. Klester [et al.] // *Eur. Respir. J.* – 2020. – Vol. 56, № S64. – P. 549.
160. Heusch, G. Myocardial stunning and hibernation revisited / G. Heusch // *Nat. Rev. Cardiol.* – 2021. – Vol. 18, № 7. – P. 522-536.
161. Hormonal replacement therapy in heart failure: focus on growth hormone and testosterone / A. Salzano, R. D'Assante, M. Lander [et al.] // *Heart Fail. Clin.* – 2019.– Vol. 15, № 3. – P. 377-391.
162. IGF-1 and cardiovascular disease / Y. Higashi, S. Gautam, P. Delafontaine, S. Sukhanov // *Growth Horm. IGF Res.* – 2019. – Vol. 45. – P. 6-16.
163. IGF-1 enhances BMSC viability, migration, and anti-apoptosis in myocardial infarction via secreted frizzled-related protein 2 pathway / M. Lin, X. Liu, H. Zheng[et al.] // *Stem. Cell. Res. Ther.* – 2020. – Vol. 11, № 1. – P. 22.
164. IGF-1 protects against angiotensin II-induced cardiac fibrosis by targeting α SMA / S. Ock, W. Ham, C.W. Kang [et al.] // *J. Cell. Death. Dis.* – 2021. – Vol. 12, № 7. –P. 688.
165. Immuno-metabolic interfaces in cardiac disease and failure / E. Bertero, J. Dudek, C. Cochain [et al.] // *Cardiovasc. Res.* – 2022. – Vol. 118, № 1. – P. 37-52.
166. Impact of aldosterone on the failing myocardium: insights from mitochondria andadrenergic receptors signaling and function / M. Guitart-Mampel, P. Urquiza, J.I. Borges [et al.] // *Cells.* – 2021. – Vol. 10, № 6. – P. 1552.

167. Inflammation and fibrosis in murine models of heart failure / L. Bacmeister, M. Schwarzl, S. Warnke [et al.] // *Basic Res. Cardiol.* – 2019. – Vol. 114, № 3. – P. 19.
168. Inflammation and tumor progression: signaling pathways and targeted intervention / H. Zhao, L. Wu, G. Yan [et al.] // *Transduct. Target. Ther.* – 2021. – Vol. 6, № 1. – P. 263.
169. Insulin-like growth factor 1 and risk of cardiovascular disease: results from the ukbiobank cohort study / J. Lin, L. Yang, J. Huang [et al.] // *Clin. Endocrinol. Metab.* – 2023. – Vol. 22. – P. dgad105.
170. Insulin-Like Growth factor 1 attenuates the pro-inflammatory phenotype of neutrophils in myocardial infarction / R. Nederlof, S. Reidel, A. Spsychala [et al.] // *Front. Immunol.* – 2022. – Vol. 15, № 13. – P. 908023.
171. Insulin-like growth factor-1 levels are associated with interventricular septal thickening / Y. Chen, X. Cheng, S. Li [et al.] // *Front. Endocrinol.* – 2022. – Vol. 7, № 13. – P. 997023.
172. Insulin-like growth factor-1 short-period therapy improves cardiomyopathy stimulating cardiac progenitor cells survival in obese mice / D. Andrade, G. Oliveira, L. Menezes [et al.] // *Nutr. Metab. Cardiovasc. Dis.* – 2020. – Vol. 30, № 1. – P. 151-161.
173. Insulin-like growth factor-1 (IGF-1) as predictor of cardiovascular mortality in heart failure patients: data from the T.O.S.CA. Registry / A. De Giorgi, A.M. Marra, M. Iacoviello [et al.] // *Intern. Emerg. Med.* – 2022. – Vol. 17, № 6. – P. 1651-1660.
174. Insulin-like growth factor -1 directly affects cardiac cellular remodeling via distinct pathways / K.W. Huang, I.H. Wang, P. Fu [et al.] // *Int. J. Cardiol. Heart. Vasc.* – 2021. – Vol. 2, № 36. – P. 100852.
175. Insulin-like growth factor -1, growth hormone and disease outcomes in acromegaly: A population study / M. Thomas, E. Berni, S. Jenkins-Jones [et al.] // *Clin. Endocrinol.* – 202. – Vol. 95, № 1. – P. 143-152.

176. Insulin resistance, cardiovascular stiffening and cardiovascular disease / M.A. Hill, Y. Yang, L. Zhang [et al.] // *Metabolism*. – 2021. – Vol. 119. – P. 154766.
177. Ischemic cardiomyopathy and heart failure after acute myocardial infarction / M.G. Del Buono, F. Moroni, R.A. Montone [et al.] // *Curr. Cardiol. Rep.* – 2022. – Vol. 24, № 10. – P. 1505-1515.
178. Isolation and culture of primary fibroblasts from neonatal murine hearts to study cardiac fibrosis / S. Kumar, D. Nagesh, V. Ramasubbu [et al.] // *Bio Protoc.* – 2023. – Vol. 13, № 4. – P. e4616.
179. Kamenicky, P. Cardiovascular complications of acromegaly / P.Kamenicky, L.Maione, P. Chanson // *Ann. Endocrinol.* – 2021. – Vol. 82, № 3-4. – P. 206-209.
180. Kametas, N.A .Chronic hypertension and superimposed preeclampsia: screening and diagnosis / N.A. Kametas, D. Nzelu, K.H. Nicolaides // *Am. J. Obstet. Gynecol.* – 2022. – Vol. 226, № 2S. – P. 1182-1195.
181. Kawarazaki, W. The role of aldosterone in obesity - related hypertension / W.Kawarazaki, T. Fujita // *Am. J. Hypertens.* – 2016. – Vol. 29, № 4. – P. 415-23.
182. Kloner, R.A. Stunned and hibernating myocardium: where are we nearly 4 decades later? / R.A. Kloner // *J. Am. Heart. Assoc.* – 2020. – Vol. 9, № 3. – P. e015502.
183. Kubota, A. Macrophages in myocardial infarction / A. Kubota, N.G. Frangogiannis // *Am. J. Physiol. Cell Physiol.* – 2022. – Vol. 323, № 4. – P. 1304-C1324.
184. Kurose, H. Cardiac fibrosis and fibroblasts / H. Kurose // *Cells*. – 2021. – Vol. 10, № 7. – P. 1716.
185. Kuwahara, K. The natriuretic peptide system in heart failure: diagnostic and therapeutic implications / K. Kuwahara // *Pharmacol. Ther.* – 2021. – Vol. 227. – P. 107863.

186. Lafuse, W.P. Role of cardiac macrophages on cardiac inflammation, fibrosis and tissue repair / W.P. Lafuse, D.J. Wozniak, M.V.S. Rajaram // *Cells*. – 2020. – Vol. 10, № 1. – P. 51.
187. Larsson, S.C. IGF-1 and cardiometabolic diseases: a mendelian randomisation study / S.C. Larsson, K. Michaelsson, S. Burgess // *Diabetologia*. – 2020. – Vol. 63, № 9. – P. 1775-1782.
188. Leack, A. Potential therapeutic targets for cardiac fibrosis, TGF β , angiotensin, endothelin, CCN2, and PDGF, partners in fibrosis activation / A. Leack // *Circ. Res.* – 2010. – Vol. 106, № 11. – P. 1675-1688.
189. Left ventricular end-systolic volume response post-stress echocardiography: Dilation as a marker of multi-vessel coronary artery disease / D.Y. Lu, A.T. Beyer, S.K. Pursnani [et al.] // *Echocardiography*. – 2022. – Vol. 39, № 2. – P. 215-222.
190. Left ventricular remodeling and dysfunction in primary aldosteronism / C.H. Tsai, C.T. Pan, Y.Y. Chang [et al.] // *J. Hum. Hypertens.* – 2021. – Vol. 35, № 2. – P. 131-147.
191. Left ventricular remodeling post-myocardial infarction: pathophysiology, imaging and novel therapies / S. Frantz, M.J. Hundertmark, J. Schulz-Menger [et al.] // *Eur. Heart. J.* – 2022. – Vol. 43, № 27. – P. 2549-2561.
192. Lodyga, M. TGF- β 1 - A truly transforming growth factor in fibrosis and immunity / M. Lodyga, B. Hinz // *Semin. Cell. Dev. Biol.* – 2020. – Vol. 101. – P. 123-139.
193. Longjian, L. Epidemiology of heart failure and scope of the problem / L. Longjian // *Cardiol. Clinics*. – 2014. – Vol. 32. – P. 1-8.
194. Low plasma insulin-like growth factor-1 levels are associated with impaired endothelium dependent vasodilatation in a cohort of untreated hypertensive Caucasian subjects / F. Petricone, A. Sciacqua, M. Perticone [et al.] // *Endocrine Res.* – 2008. – № 33. – P. 2806-2810.

195. Maack, T. The Broad homeostatic role of natriuretic peptides / T. Maack // *Arq. Bras. Endocrinol. Metab.* – 2006. – Vol. 50, № 2. – P. 198-207.
196. Macrophages promote endothelial-to-mesenchymal transition via MT1-MMP/TGF β 1 after myocardial infarction / L. Alonso-Herranz, A. Sahun-Espanol, A. Paredes [et al.] // *Elife.* – 2020. – Vol. 9. – P. e57920.
197. Mangiferin prevents myocardial infarction-induced apoptosis and heart failure in mice by activating the Sirt1/FoxO3a pathway / L. Chen, S. Li, J. Zhu [et al.] // *J. Cell.Mol. Med.* – 2021. – Vol. 25, № 6. – P. 2944-2955.
198. Maresin-1 induces cardiomyocyte hypertrophy through IGF-1 paracrine pathway / T. Wahyuni, A. Kobayashi, S. Tanaka [et al.] // *Am. J. Physiol. Cell Physiol.* – 2021. – Vol. 321, № 1. – P. 82-C93.
199. Martins-Marques, T. Connecting different heart diseases through intercellular communication / T. Martins-Marques // *Biol. Open.* – 2021. – Vol. 10, № 9. – P. bio058777.
200. Martovytskyi, D.V. Effect of endostatin and Insulin-like growth factor -1 on angiogenesis in patients with acute myocardial infarction with obesity under the influence of zofenopril / D.V. Martovytskyi, O.M. Shelest, P.G. Kravchun // *Wiad. Lek.* – 2020. – Vol. 73, № 1. – P. 63-67.
201. Mechanoregulation of myofibroblast fate and cardiac fibrosis / P. Kim, N. Chu, J.Davis, D.H. Kim // *Adv. Biosyst.* – 2018. – Vol. 2, № 1. – P. 1700172.
202. Mid-regional proatrial natriuretic peptide for predicting prognosis in hypertrophic cardiomyopathy / C. Begue, S. Morner, D. Brito [et al.] // *Heart.* – 2020. – Vol. 106, № 3. – P. 196-202.
203. Molecular and clinical implications of natriuretic peptides in aortic valve stenosis / G. Gallo, V. Presta, M. Volpe, S. Rubattu // *J. Mol. Cell. Cardiol.* – 2019. – Vol. 129. – P. 266-271.
204. Multiscale analysis of extracellular matrix remodeling in the failing heart / A.R. Perestrelo, A.C. Silva, J. Oliver-De La Cruz [et al.] // *Circ. Res.* – 2021. – Vol. 128, № 1. – P. 24-38.

205. Myocardial fibrosis / T. Espeland, I.G. Lunde, B. H Amundsen [et al.] // Tidsskr. Nor. Laegeforen. – 2018. – Vol. 138, № 16.
206. Nakagawa, H. Roles of natriuretic peptides and the significance of neprilysin in cardiovascular diseases / H. Nakagawa, Y. Saito // Biology. – 2022. – Vol. 11, № 7.– P. 1017.
207. Nakagawa, Y. Atrial and brain natriuretic peptides: hormones secreted from the heart / Y. Nakagawa, T. Nishikimi, K. Kuwahara // Peptides. – 2019. – Vol. 111. – P.18-25.
208. New insights on the cardiovascular effects of IGF-1 / M. Macvanin, Z. Gluvic, J. Radovanovic [et al.] // Front. Endocrinol. – 2023. – Vol. 14. – P. 1142644.
209. Noninvasive cardiovascular imaging for myocardial necrosis, viability, stunning and hibernation: evidence from an umbrella review encompassing 12 systematic reviews, 286 studies, and 201,680 patients / F. Nudi, A.E. Iskandrian, O. Schillaci [etal.] // Cardiol. Angiol. – 2021. – Vol. 69, № 2. – P. 191-200.
210. Novel factors that activate and deactivate cardiac fibroblasts: a new perspective fortreatment of cardiac fibrosis / R. Be Oliveira Camargo, B. Abualanaz, S.G. Rattan [etal.] // Wound Repair. Regen. – 2021. – Vol. 29, № 4. – P. 667-677.
211. NT-proBNP and echocardiographic parameters in liver cirrhosis - correlations with disease severity / A.R. Mihailovici, I. Donoiu, D.I. Gheonea [et al.] // Med. Princ. Pract. – 2019. – Vol. 28, № 5. – P. 432-41.
212. Post-myocardial infarction fibrosis: pathophysiology, examination, and intervention / X. Yin, X. Yin, X. Pan [et al.] // Front. Pharmacol. – 2023. – Vol. 14. –P. 1070973.
213. Post-treatment heterogeneity of cardiometabolic risk in patients with acromegaly: The impact of GH and IGF-1 / M. Heydari, N. Hashemi-Madani, Z. Emami [et al.] //Endocr. Res. – 2022. – Vol. 47, № 1. – P. 1-7.
214. Properties and functions of fibroblasts and myofibroblasts in myocardial infarction / H. Venugopal, A. Hanna, C. Humeres, N.G. Frangogiannis // Cells. – 2022. – Vol.11, № 9. – P. 1-25.

215. Protection from β -cell apoptosis by inhibition of TGF- β /Smad3 signaling / J.H. Lee, J.M. Mellado-Gil, Y.J. Bahn [et al.] // *Cell. Death. Dis.* – 2020. – Vol. 11, № 3. – P. 184.

216. Recommendation of cardiac chamber quantification by echocardiography in adults: an update from the american society of echocardiography and european association of cardiovascular imaging / R. Lang, L.P. Badano, V. Mor-Avi [et al.] // *J. Am. Soc. Echocardiogr.* – 2015. – Vol. 28, № 1. – P. 1-39.e14.

217. Relationship between serum IGF-1 and BMI differs by age / R.A. Sherlala, C.M. Kammerer, A.L. Kuipers [et al.] // *J. Gerontol. A Biol. Sci. Med. Sci.* – 2021. – Vol. 76, № 7. – P. 1303-1308.

218. Relationship of myocardial hibernation, scar, and angiographic collateral flow in ischemic cardiomyopathy with coronary chronic total occlusion / L. Wang, M.J. Lu, L. Feng [et al.] // *J. Nucl. Cardiol.* – 2019. – Vol. 26, № 5. – P. 1720-1730.

219. Relationships between serum IGF-1 levels, blood pressure and glucose tolerance: an observational, exploratory study in 404 subjects / A. Colao, C. Di Somma, T. Cascella [et al.] // *Eur. J. Endocrinol.* – 2008. – Vol. 159. – P. 389-397.

220. Resolving the intertwining of inflammation and fibrosis in human heart failure at single-cell level / M. Rao, X. Wang, G. Guo [et al.] // *Basic Res. Cardiol.* – 2021. – Vol. 116, № 1. – P. 55.

221. Retraction: The relationship between serum Insulin-like growth factor levels and ischemic stroke risk / PLOS ONE Editors // *PLoS One.* – 2022. – Vol. 17, № 3. – P. e0266411.

222. Role of pyroptosis in cardiovascular disease / Z. Zhaolin, L. Guohua, W. Shiyuan, W. Zuo // *Cell Prolif.* – 2019. – Vol. 52, № 2. – P. e12563.

223. Rossier, M.F. The cardiac mineralocorticoid receptor (mr): a therapeutic target against ventricular arrhythmias / M.F. Rossier // *Front. Endocrinol.* – 2021. – Vol. 28, № 12. – P. 694758.

224. Ryan, M.J. Identifying and managing hibernating myocardium: what's new and what remains unknown? / M.J. Ryan, D. Perera // *Curr. Heart. Fail Rep.* –

2018. – Vol. 15, № 4. – P. 214-223.

225. Stable CAD patients show higher levels of platelet-borne TGF- β 1 associated with a superior pro-inflammatory state than the pro-aggregatory status; Evidence highlighting the importance of platelet-derived TGF- β 1 in atherosclerosis / J. Ahmadi, E. Hosseini, F. Kargar, M. Ghasemzadeh // *J. Thromb. Thrombolysis*. – 2023. – Vol. 55, № 1. – P. 102-115.

226. Systemic inflammation and cell activation reflects morbidity in chronic heart failure / D.L. Dixon, K.M. Griggs, A.D. Bersten, C.G. De Pasquale // *Cytokine*. – 2011. – Vol. 56, № 3. – P. 593-599.

227. TGF- β induces a heart failure phenotype via fibroblasts exosome signaling / H. Basma, A.N. Johanson, K. Dhar [et al.] // *Heliyon*. – 2019. – Vol. 5, № 10. – P. e02633.

228. The association between insulin-like growth factor-I and cardiac repolarization / T. Ittermann, C. van Noord, N. Friedrich [et al.] // *Growth Horm. IGF Res*. – 2012. – Vol. 22, № 1. – P. 1–5.

229. The association of pro BNP age with manifestations of age-related cardiovascular, physical, and psychological impairment in community-dwelling older adults / A. Muscari, G. Bianchi, P. Forti [et al.] // *Geroscience*. – 2021. – Vol. 43, № 4. – P. 2087-2100.

230. The endothelium in acromegaly / P. Maffei, F. Dassie, A. Wennberg [et al.] // *Front. Endocrinol*. – 2019. – Vol. 10. – P. 437.

231. The expression of BNP, ET-1, and TGF- β 1 in myocardium of rats with ventricular arrhythmias / M. Tian, Y. Xiao, J. Xue [et al.] // *Int. J. Mol. Sci*. – 2019. – Vol. 20, №23. – P. 1-14.

232. The impairment of the Growth Hormone/Insulin-like growth factor 1 (IGF-1) axis in heart failure: A possible target for future therapy / L. Piccioli, M. Arcopinto, A. Salzano [et al.] // *Monaldi Arch. Chest. Dis*. – 2018. – Vol. 88, № 3. – P. 975.

233. The interplay of fibroblasts, the extracellular matrix, and inflammation in scar formation / L. Moretti, J. Stalfort, T.H. Barker, D.J. Abeyayehu // *Biol. Chem*. –

2022.– Vol. 298, № 2. – P. 101530.

234. The role of natriuretic peptides in the regulation of cardiac tolerance to ischemia/reperfusion and post infarction heart remodeling / A.V. Krylatov, S.Y. Tsibulnikov, A.V. Mukhomedzyanov [et al.] // J .Cardiovasc. Pharmacol. Ther. – 2021. – Vol. 26, № 2. – P.131-148.

235. The value of IGF-1 and IGFBP-1 in patients with heart failure with reduced, mid-range, and preserved ejection fraction / S. Guo, M. Gong, G. Tse [et al.] // Front. Cardiovasc. Med. – 2022. – Vol. 8. – P. 772105.

236. Transforming growth factor beta and cardiovascular diseases: the other facet of the 'protective cytokine' / J. Dabek, A. Kulach, B. Monastyrska- Cup, Z. Gasior // Pharmacol. Rep. – 2006. – Vol. 58, № 6. – P. 799-805.

237. Transforming growth factor- β and the renin-angiotensin system in syndromic thoracic aortic aneurysms: implications for treatment / D.C.H. van Dorst, N.P. de Wagenaar, I. van der Pluijm [et al.] // Cardiovasc. Drugs Ther. – 2021. – Vol. 35, №6. – P. 1233-1252.

238. Translation of immunomodulatory therapy to treat chronic heart failure: preclinical studies to first in human / H.D. Humes, K.D. Aaronson, D.A. Buffington [et al.] // PLoS One. – 2023. – Vol. 18, № 4. – P. e0273138.

239. Ushakov, A. Regulation of myocardial extracellular matrix dynamic changes in myocardial infarction and postinfarct remodeling / A. Ushakov, V. Ivanchenko, A. Gagarina // Curr. Cardiol. Rev. – 2020. – Vol. № 16, № 1. – P. 11-24.

240. Vinnakota, S. The Importance of natriuretic peptides in cardiometabolic diseases / S. Vinnakota, H.H. Chen // J. Endocr. Soc. – 2020. – Vol. 4, № 6. – P.1-11.

241. Zhang, W.B. Looking at IGF-1 through the hourglass / W.B. Zhang, S. Milman // Aging (Albany NY). – 2022. – Vol. 14, № 16. – P. 6379-6380.